

В. П. Мезгорский

**«Петрозаводск
при Петре Великом»
и другие сочинения**

Под редакцией А. М. Пашкова

ПЕТРОЗАВОДСК
Издательство ПетрГУ
2021

УДК 94(470.22)"17"
ББК 63.3(2)5
М575

*Издание подготовлено в рамках реализации проекта
«Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии»
по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг.,
проект № 20-09-42034*

С о с т а в и т е л и :

Б. В. Мегорский, кандидат политических наук;
А. М. Пашков, доктор исторических наук, профессор

Р е ц е н з е н т ы :

П. А. Кротов, доктор исторических наук, профессор;
М. Е. Неелова, кандидат исторических наук,
главный архивист НА РК

Мегорский, Василий Петрович.

М575 «Петрозаводск при Петре Великом» и другие сочинения / под ред. А. М. Пашкова ; [сост.: Б. В. Мегорский, А. М. Пашков]. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 218, [2] с. + 24 с. ил.

ISBN 978-5-8021-3785-7

В издании представлены исследования петербургского историка, уроженца Олонецкой губернии В. П. Мегорского (1871–1940), посвященные истории Олонецкого края в период Петровских реформ. Работы «Петрозаводск при Петре Великом», «Кончезерский завод» и «Олонецкие марциальные воды при Петре Великом» ранее не публиковались.

Ценность трудам В. П. Мегорского придает тот факт, что они написаны, с одной стороны, как научные работы – с использованием архивных и опубликованных источников и с учетом достижений историографии, а с другой – как краеведческие сочинения – со знанием местности, устной истории, исторических преданий и т. д.

Издание представляет интерес для историков Петровской эпохи, краеведов, студентов, школьников, всех интересующихся историей Карелии.

УДК 94(470.22)"17"

ББК 63.3(2)5

© Мегорский В. П., 2021
© Мегорский Б. В., Пашков А. М., составление, 2021
© Оформление. Издательство ПетрГУ, 2021

ISBN 978-5-8021-3785-7

Б. В. Мегорский, А. М. Пашков

Василий Петрович Мегорский и его исследования в контексте историографии истории Карелии в Петровскую эпоху

Известный историк Олонецкого края, на протяжении многих лет успешно изучавший его историю в Петровскую эпоху, Василий Петрович Мегорский родился 27 декабря 1871 года (по старому стилю) в семье настоятеля Кузарандской церкви протоиерея Петра Тимофеевича Мегорского (1833–1888) и его жены Александры Никаноровны (1840–1894)¹. Сведения о его рождении были записаны в метрической книге Вырозерского прихода, поэтому местом рождения можно считать село Вырозеро (в восточной части Заонежья). Как и многие священнические семьи, семья Мегорских была многодетной. У них было две дочери и пять сыновей. Василий был пятым по счету ребенком.

¹ Биографические сведения о нем см.: *Мегорский Б. В. Василий Петрович Мегорский : биографическая справка // Архив КарНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–10; Дело В. П. Мегорского, 1899–1918 // РГИА. Ф. 587. Оп. 12. Д. 670. URL: <http://novbelgen.net/mg#mg.56> (дата обращения: 27.10.2020). А. Н. Мегорская похоронена в Петрозаводске на Троицком кладбище около Крестовоздвиженской церкви на Зарече (Петрозаводский некрополь / сост.: Т. А. Мошина. Петрозаводск, 2009. С. 50).*

Отец историка П. Т. Мегорский был личностью примечательной². Сын дьячка Рубежского прихода Вытегорского уезда Тимофея Алексеевича Мегорского, в 1855 году он окончил миссионерское отделение Олонецкой духовной академии в Петрозаводске. Православные миссионеры Олонецкой епархии занимались борьбой со старообрядчеством, широко распространенным среди жителей Олонецкой губернии. П. Т. Мегорский зарекомендовал себя как знаток и непримиримый борец с «расколом». Известно, что после окончания семинарии ему было поручено написать «сочинение о состоянии раскола в Олонецкой епархии». Возможно, это было связано с прибытием в губернию для изучения старообрядчества чиновника особых поручений Смирнова. Можно предположить, что сочинение «Записка о расколе в Олонецкой губернии в 1854 году»³ было написано Смирновым при участии П. Т. Мегорского.

В феврале 1856 года П. Т. Мегорский был рукоположен священником в Коштутский приход Вытегорского уезда, а в 1857 году стал помощником миссионера по Лодейнопольскому, Вытегорскому, Пудожскому и Каргопольскому уездам. Вероятно, он был на хорошем счету у архиепископа Олонецкого и Петрозаводского Аркадия (Федорова)⁴, поскольку уже в июне 1860 года был переведен на должность священника Вытегорского Воскресенского собора, а в 1861 году стал миссионером по Лодейнопольскому и Вытегорскому уездам и «исправляющим должность» благочинного⁵ (с 1864 года – благочинным) 1-го и 2-го округов Вытегорского уезда. Эту должность П. Т. Мегорский занимал до 1866 года. В 1865 году он стал протоиереем⁶ и настоятелем Вытегорского собора.

Казалось, жизнь и карьера П. Т. Мегорского складывались вполне успешно. Город Вытегра был вторым по значению в Олонецкой губернии после Петрозаводска. В 1863 году там проживало 2530 человек, в том числе 203 дворянина (с членами семей) и 245 купцов и почетных граждан (с членами семей). Почти все население было православным (2440 чел.). Город находился на перекрестке торговых путей, тракта

² Биографические сведения о нем см.: Миссионер протоиерей Петр Тимофеевич Мегорский : [некролог] // ОГВ. 1888. № 50, 51.

³ НА РК. Ф. 1. Оп. 10, Д. 12/93. Л. 1–49.

⁴ Аркадий (Федоров) (1784–1870) – архиепископ Олонецкий и Петрозаводский в 1851–1869 годах.

⁵ *Благочинный* – в Русской православной церкви административная должность священника, помощник епископа по надзору за порядком в нескольких приходах, называемых благочинием или благочинным округом.

⁶ *Протоиерей* – титул, даваемый священнику в качестве награды, означает «старший священник», обычно протоиерей является настоятелем храма.

Архангельск – Санкт-Петербург и Мариинской водной системы, связывавшей Волгу и Онежское озеро. Вытегорские купцы владели четырьмя мукомольными заводами с общим оборотом до 200 тыс. рублей⁷. Можно предположить, что именно эти четыре богатейшие семьи и определяли всю жизнь Вытегры.

Все это сулило П. Т. Мегорскому спокойную и обеспеченную жизнь, но что-то пошло не так. В 1868 году некие жители Вытегры обратились с ходатайством об удалении протоиерея «за его притеснения и несправедливые действия». Началось расследование, в результате которого исправлявший должность обер-прокурора Синода Д. А. Толстой представил Александру II доклад «об обстоятельствах дела относительно построения церкви в городе Вытегре». В результате П. Т. Мегорский «был отрешен от занимаемых им должностей благочинного и настоятеля Вытегорского собора и уволен от звания миссионера с воспрещением занимать какую-либо священническую должность в Вытегорском уезде».

Об этих событиях в некрологе П. Т. Мегорского сказано: «В 1869 году Господь сподобил отца Мегорского несчастием. По стечению не зависящих от него обстоятельств он должен был оставить службу в городе Вытегре. Это удручающе подействовало как на самого отца протоиерея, так и на все его семейство: и надобно удивляться силе воли его, что он не упал духом, как это часто бывает в подобных случаях, а в неустанной деятельности находил себе и новые силы, и возможное утешение»⁸.

Впрочем, катастрофа 1869 года имела и далеко идущие последствия. Возможно, осознание того, что с отцом поступили несправедливо, привело к тому, что двое его сыновей, Василий и Петр, не пошли по его стопам, а избрали светскую карьеру.

В итоге в декабре 1869 года П. Т. Мегорский получил назначение священником в Вырозерский приход Петрозаводского уезда, а оттуда в 1871 году был переведен настоятелем Кузарандского прихода. Как уже отмечалось, Василий Мегорский родился в Вырозере, хотя в это время П. Т. Мегорский был уже священником Кузарандского прихода.

Понемногу началась церковная «реабилитация» П. Т. Мегорского. В 1874 году ему была «изъявлена архипастырская благодарность за ревностные труды по удержанию православных от уклона в раскол и по обращению раскольников в православие», а его «подсудность» указом Синода «в уважении о добродетельной о службе его аттестации

⁷ Иванов А. И. Город Вытегра : (ист.-стат. очерк) // ОГВ. 1863. № 47.

⁸ Миссионер протоиерей Петр Тимофеевич Мегорский : [некролог] // ОГВ. 1888. № 50.

начальства после касавшегося его дела не считать препятствием к награждению его установленными знаками отличия». В июне 1875 года П. Т. Мегорский вместе с дочерью Ульяной получил благодарность от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа «за их старательность и успешное в [Выгозерском церковно-приходском] училище преподавание».

В это же время начинается сотрудничество П. Т. Мегорского с газетой «Олонецкие губернские ведомости». В марте 1874 года в ОГВ была опубликована его заметка «Зимняя гроза в Мегорском погосте»⁹, а в феврале – марте еще три статьи об истории сельских школ Вытегорского уезда¹⁰. В сентябре 1874 года в ОГВ была опубликована анонимная статья «Раскол в Вырозерском погосте и вообще в Заонежье»¹¹. Есть основания предполагать, что ее автором также был П. Т. Мегорский.

В январе 1876 года П. Т. Мегорский был перемещен настоятелем в Кончезерскую церковь, а уже в марте назначен благочинным 3-го округа Петрозаводского уезда. В Кончезере с 1707 года до начала XX века существовал чугуноплавильный завод, а в восьми верстах от этого села находился петровский курорт Марциальные Воды. Возможно, что детские впечатления и рассказы взрослых об истории Кончезерского завода и Марциальных Вод были тем побудительным толчком к формированию у юного Василия Мегорского интереса к истории Петровской эпохи в Карелии.

Возможно, что и у П. Т. Мегорского тоже возник интерес к прошлому своего нового прихода. В июле 1878 года в ОГВ была опубликована анонимная статья «Кончезерские марциальные воды»¹². Написанная простым понятным языком, она излагала историю Марциальных Вод на основе большого количества фактов, свидетельствовавших о хорошем знании автором литературы вопроса. Стилистически она близка к другим публикациям П. Т. Мегорского, поэтому можно предположить, что именно он был автором этой статьи.

1880-е годы были временем активного церковного служения П. Т. Мегорского. В мае 1880 года он был назначен миссионером

⁹ ОГВ. 1874. № 23.

¹⁰ Мегорский П. Т. О народных учителях в былое время в Кондушском приходе Вытегорского уезда // ОГВ. 1875. № 9; *Его же*. О народных учителях и школах в Палтогском приходе // ОГВ. 1875. № 16; *Его же*. Народные учителя и школы в Мегорском приходе Вытегорского уезда // ОГВ. 1875. № 19.

¹¹ Раскол в Вырозерском погосте и вообще в Заонежье // ОГВ. 1874. № 73. В Научной библиотеке ПетрГУ хранится рукопись этой статьи (Раскол в Вырозерском погосте и вообще в Заонежье : материалы по старообрядчеству Карелии (6 листов без нумерации)).

¹² ОГВ. 1878. № 56.

Петрозаводско-Повенецкого округа, а в марте 1881 года как представитель духовенства был избран членом Петрозаводского уездного училищного совета. С 1879 года он постоянно избирался депутатом общепархиального и уездно-училищного съездов духовенства. В апреле 1878 года Синод наградил П. Т. Мегорского «за заслуги по духовному ведомству» золотым наперсным крестом. В мае 1883 года он был удостоен ордена Св. Анны 3-й степени, а в апреле 1888 года – ордена Св. Анны 2-й степени. В середине 1880-х годов под руководством П. Т. Мегорского были найдены средства и построена церковь в Лексе с домами и службами для причта. В марте 1887 года он принял на себя заведование церковью во вновь открытом Леликовском приходе, где в октябре 1887 года открыл церковно-приходскую школу (на устройство которой сам пожертвовал 20 рублей).

Летом 1887 года П. Т. Мегорский участвовал в Первом Всероссийском миссионерском съезде в Москве. Весной 1888 года случилось несчастье. В холодную погоду он провел выпускные испытания в семи сельских школах Заонежья, переходя из одного села в другое пешком, простыл и после недолгой болезни умер в ночь с 5 на 6 июня. Похоронили его в селе Леликово. Семья Мегорских осталась практически без средств к существованию.

В 1891–1894 годах В. П. Мегорский учился в Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске. Переезд в Петрозаводск, получение хорошего богословского и светского образования благотворно повлияли на становление его личности. Позднее В. П. Мегорский вспоминал: «...это время будит самые светлые воспоминания, нашу юность, молодые годы, семинарскую жизнь – то счастливое невозвратное время...»¹³. Практически в одно время с В. П. Мегорским, в 1890–1893 годах, в ОДС учился будущий митрополит Петроградский священномученик Вениамин Казанский¹⁴.

Надо отметить, что в Петрозаводске было много достопримечательностей, связанных с именем Петра I. В 1873 году на центральной площади города был открыт памятник Петру I, созданный скульптором И. Н. Шредером и архитектором И. А. Монигетти. Этот памятник стал

¹³ Воззвание / П. С. Туманов, И. К. Кьяндский, К. Н. Плотников, Л. А. Лесков, В. П. Мегорский // ОЕВ. 1913. № 3. С. 51–52.

¹⁴ Вениамин Казанский (1873–1922) – митрополит Петроградский в 1917–1922 годах, в 1922 году арестован и расстрелян по приговору Петроградского ревтрибунала, в 1992 году причислен к лику святых. Подробнее о нем см.: Галкин А. К., Бовкало А. А. Избранник Божий и народа : жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. СПб., 2006. 382 с.

украшением города. Поэт К. К. Случевский, посетивший Петрозаводск в 1884 году, писал: «Памятник недурен; облик императора гораздо внушительнее того, который поставлен в Петергофе у Монплезира. Неудивительно, что горожане то и дело зовут приезжающих сюда туристов полюбоваться им: посмотрите, да посмотрите!»¹⁵. Круглая площадь, на которой был установлен памятник, стала называться Петровской.

Еще одной петровской достопримечательностью был Петровский парк на берегу Онежского озера. Впрочем, во время учебы В. П. Мегорского в ОДС он оставлял двойственное впечатление. Один из путешественников, побывавших тогда в Петрозаводске, писал: «Еще в начале нынешнего столетия этот сад представлял грустный пустырь, но затем его снова засадили, подчистили, и теперь он, отлично разросшись, составляет украшение города и любимое место прогулок горожан летом. Пруд, выкопанный в саду при Петре, сохранился, но он весь засорен и заплесневел, хотя на обоих концах его стоят столбы с надписью «Просят пруда не сорить и не портить». На лужайке над прудом высится деревянный кол, а на нем дощечка с надписью: «Здесь стоял дворец Петра Великого» – это все, что осталось от дворца»¹⁶.

Другими достопримечательностями Петровской эпохи были Петропавловская церковь, сооруженная в первые годы существования Петровского завода (сгорела в 1924 году) и памятный поклонный крест, установленный около зарецкой Крестовоздвиженской церкви в память о кончине Петра I жителем Петровских заводов Иулианом Ивановичем Сараевым 29 января 1725 года «на поклонение всем православным христианам».

Петровская тема волновала местных краеведов. В газете «Олонецкие губернские ведомости» постоянно появлялись публикации статей и заметок о Петре и его эпохе. Чиновник-краевед А. М. Иванов издал брошюру «Император Петр Великий и его деятельность на Олонце»¹⁷.

Таким образом, в годы обучения в ОДС петровская тема постоянно окружала В. П. Мегорского в виде памятников и памятных мест, а также в публикациях по этой теме.

Можно предположить, что годы пребывания в стенах ОДС В. П. Мегорский вспоминал с добрым чувством, поскольку и после окончания семинарии он не порывал связей с нею. Так, в июньском номере

¹⁵ Случевский К. К. По северо-западу России. Т. 1. По северу России. СПб., 1897. С. 62.

¹⁶ Адрианов С. А. Петрозаводская старина // Исторический вестник. 1896. № 9. С. 697–698.

¹⁷ Иванов А. И. Император Петр Великий и его деятельность на Олонце : исторический очерк для народа. Петрозаводск, 1873. 39 с.

журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» за 1901 год он поместил свои воспоминания о незадолго скончавшемся преподавателе семинарии А. К. Кьяндском¹⁸.

В Петербурге в сентябре 1896 года скоропостижно скончался протоиерей П. Ф. Щеглов (1825–1896), ректор Олонецкой духовной семинарии в 1871–1894 годах. Со временем деревянный крест на его могиле подгнил и упал, и в начале 1913 года В. П. Мегорский стал одним из инициаторов установки на могиле подобающего заслугам покойного памятника¹⁹. Эта инициатива была поддержана, и в сентябре 1914 года памятник на могиле П. Ф. Щеглова на Волковом кладбище Петрограда был торжественно освящен епископом Гдовским, викарным епископом Петроградским и будущим священномучеником Вениамином Казанским²⁰.

После окончания семинарии В. П. Мегорский решил отказаться от церковной карьеры и в 1894 году поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Варшавского университета (в то время Варшава входила в состав Российской империи). Выбор именно этого учебного заведения, вероятно, был связан с тем, что в основанном в 1869 году Варшавском университете преподавание велось только на русском языке и поляки туда поступали неохотно. Для привлечения студентов с 1886 года было разрешено принимать в университет выпускников духовных семинарий, окончивших курс по 1-му разряду²¹.

В годы учебы на историческом отделении историко-филологического факультета Варшавского университета В. П. Мегорский начал углубленно изучать историю Олонецкого края в Петровскую эпоху. В сентябре 1899 года он подготовил и защитил в качестве выпускной кандидатской диссертации исследование «Из истории Олонецкого края в первую четверть XVIII столетия», которая была признана

¹⁸ Мегорский В. П. Памяти бывшего преподавателя Олонецкой духовной семинарии А. К. Кьяндского (ум. 19 марта 1901 г.) // ОЕВ. 1901. № 11. С. 348–350 (подписана: Бывший ученик В. П. Мегорский).

¹⁹ Воззвание / П. С. Туманов, И. К. Кьяндский, К. Н. Плотников, Л. А. Лесков, В. П. Мегорский.

²⁰ Мегорский В. П. Освящение памятника на могиле бывшего ректора Олонецкой духовной семинарии протоиерея П. Ф. Щеглова // ОЕВ. 1915. № 1. С. 15–16; Отчет Комитета по сооружению памятника на могиле бывшего ректора Олонецкой духовной семинарии Петра Филипповича Щеглова / П. С. Туманов, И. К. Кьяндский, К. Н. Плотников, Л. А. Лесков, В. П. Мегорский // ОЕВ. 1915. № 1. С. 16–18.

²¹ Варшавский университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5а. СПб., 1892. С. 563–564.

факультетом удовлетворительной, а ее автор достойным ученой степени кандидата. Диплом об окончании Варшавского университета был получен им в декабре 1899 года.

В конце 1898 года В. П. Мегорский перебрался в Петербург и поступил на службу чиновником Государственного контроля, где и прослужил до 1918 года. Возможно, одной из побудительных причин к переезду было желание посвятить свободное время сбору материалов по истории Олонецкого края в архивах и библиотеках Петербурга.

Тогда же В. П. Мегорский начинает сотрудничать с выходящей в Петрозаводске газетой «Олонецкие губернские ведомости»²². В мае 1902 года на ее страницах появляется его первая историко-краеведческая публикация «Выписки из походных журналов Петра Великого 1702, 1703 и 1704 годов, имеющие отношение к истории Олонецкого края»²³. О том, что это была первая публикация начинающего краеведа, свидетельствует и тот факт, что она была подписана не фамилией, а инициалами *В. П. М.* В предисловии к публикации было отмечено: «Предлагаемые выписки были сообщены нам сотрудником нашим *В. П. М.*... Мы охотно даем место им, зная вперед, что всякая такая заметка о пребывании Петра Великого в нашем крае будет иметь немало важное значение для истории родного края».

Можно предположить, что юбилейные петровские кампании начала XX века (300-летие взятия Нотебурга, основания Петрозаводска и Петербурга и др.), а также общий подъем интереса к местной истории как части общественного движения накануне революции 1905–1907 годов создали хорошие предпосылки для исследований В. П. Мегорского по истории Олонецкого края в Петровскую эпоху, которые благожелательно встречались редакцией ведомостей.

Из «Юрнала»²⁴ 1702 года приведены сведения о походе по Осударевой дороге в августе 1702 года. Из «Юрнала» 1703 года взяты известия о деятельности Лодейнопольской верфи, о приездах туда Петра I. При этом сведения об изготовленных там судах В. П. Мегорский сверяет со «Списком русских военных судов» Ф. Ф. Веселаго²⁵. Из журнала за август 1703 года приведено сообщение, известное как первое

²² Подробнее о научной деятельности В. П. Мегорского до 1917 года см.: Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск, 2007. С. 237–285.

²³ ОГВ. 1902. № 62, 63 (от 30 мая и 1 июня) (подпись: *В. П. М.*).

²⁴ *Юрнал (журнал)* – в петровское время так назывались ежедневные записки, дневники, а также походные журналы (поденные росписи) военачальников. В данном случае имеется в виду «Походный журнал Петра I».

²⁵ *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.

упоминание о Петрозаводске: «В 29 день Александр Данилович поехал отсель на заводы». В. П. Мегорский считал, что здесь говорится об отправке А. Д. Меншикова из Лодейнопольской верфи на Петровский завод. Из «Юрнала» 1704 года вновь заимствованы известия о деятельности Лодейнопольской верфи в 1704 году и о приездах туда Петра I.

Здесь же приведено еще одно любопытное известие: «Сентября, в 15-й день, по ведомости с Олонца, что приходили шведы к Злетаву и остров взяли, расстоянием от Олонца 40 верст». В издании «Журнала» 1854 года к этому известию имеется приписка: «О сем нападении шведов в печатных источниках нет никаких сведений, на географических картах не находится местности, которая носила бы название Злетавы». Удивительно, но В. П. Мегорский оставил это примечание без своего комментария. Здесь шла речь о взятии шведами не «Злетавы», а пограничной заставы в Погранкондушах, которая находилась в 40 верстах от Олонца²⁶. В новом издании «Походного журнала» эта описка была исправлена²⁷.

Таким образом, первая публикация В. П. Мегорского в ОГВ имела характер краеведческой археографии. В главной газете Олонецкой губернии для местных любителей истории и краеведов в связи с актуальностью темы была сделана перепечатка малодоступных сведений о родном крае из «Походных журналов» Петра Первого, опубликованных в Петербурге около полувека назад.

Тогда же, в августе 1902 года, В. П. Мегорский подготовил для ОГВ еще одну публикацию – изложение очерка А. Анненского о его путешествии по Петербургской и Олонецкой губерниям²⁸, впервые опубликованного в 1848 году в журнале «Иллюстрация»²⁹. В предисловии В. П. Мегорский писал, что журнал «Иллюстрация», уже тогда являвшийся библиографической редкостью, был найден «благодаря лишь особому вниманию заведующего русским отделением» Публичной библиотеки В. П. Ламбина и был выдан В. П. Мегорскому с разрешения директора библиотеки. Кроме того, в предисловии было сделано объяснение, что именно из публикации 1848 года было заимствовано для ОГВ: «Из статьи Анненского здесь помещается лишь то, что автору уда-

²⁶ Подробнее об этом сражении см.: Мельнов А. В. Северная война в Северном Приладожье (1700–1710) : военные действия и местное население // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2019. № 2 (179). С. 85–93.

²⁷ Походный журнал 1704 года. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 4.

²⁸ Анненский А. Из поездки по Олонецкому краю // ОГВ. 1902. № 91, 100, 101, 103–105 (публикация В. М-ского).

²⁹ Поездка по России // Иллюстрация. 1848. № 4. С. 51–55, 67–69; № 6. С. 87–88; № 19. С. 291–296; № 29. С. 67–71.

лось видеть собственными глазами. Из исторических же его сообщений оставлено только одно – о Лодейнопольской верфи, как затем, чтобы дать образец сообщений его в этом роде, так и потому, что ссылку на него мы находим в статье “Петр Великий на Олонце в 1702 году”³⁰. Перепечатка очерка А. Анненского сопровождалась комментариями В. П. Мегорского.

К 1902 году В. П. Мегорским была подготовлена первая большая работа «Очерки по истории Олонецкого края в первую четверть XVIII века», написанная «с целью дать общее представление о Петровской эпохе в Олонецком крае». Эти «Очерки» были напечатаны в виде отдельных статей. В 1902–1903 годах была опубликована в ОГВ и отдельным изданием работа «Осударева дорога (библиографические справки)» о походе Петра I от Белого моря до Онежского озера в августе 1702 года³¹. Затем она была переработана и перепечатана в «Военном сборнике» и в «Памятной книжке Олонецкой губернии»³².

Газетный и журнальный варианты отличаются друг от друга. В ОГВ работа носит как бы подготовительный характер. Она содержит обзор имеющихся публикаций источников и исследований и анализ архивного дела 1821 года «О восстановлении дороги Осударевой». Наибольшее внимание В. П. Мегорский уделил сведениям о маршруте похода, расчетам расстояний каждого перехода и определению мест стоянок – ямов. Заключительная часть публикации в ОГВ посвящена биографии «распорядителя работ» М. И. Щепотева, описанию местности, по которой прошел поход, самого похода и судьбе Осударевой дороги после 1702 года. Сам автор вспоминал, что «“Осударева дорога” при своем небольшом объеме – 80 стр. потребовала трех с половиной лет самого сильного напряжения».

Очерк «Осударева дорога» основан на многочисленных опубликованных источниках и исследованиях. В. П. Мегорский учел как общеисторические работы Н. И. Новикова³³, И. И. Голикова³⁴, А. Г. Брикнера³⁵,

³⁰ Иванов А. И. Петр Великий на Олонце в 1702 году // ПКОГ на 1858 год. СПб., 1858. Паг. 3. С. 98–114.

³¹ Мегорский В. П. Осударева дорога : (библиографические справки) // ОГВ. 1902. № 119, 132, 134, 136, 142; 1903. № 9, 13, 15, 17–19, 21–23, 29. (Отд. отт.: Петрозаводск, 1903. 80 с.)

³² Мегорский В. П. Осударева дорога // Военный сб. 1903. № 8. С. 221–242 (с картой) (перепечатано: ПКОГ на 1906 год. Петрозаводск, 1906. С. 323–344).

³³ Новиков Н. И. О высочайших пришествиях великого государя Петра Алексеевича к Архангельскому городу. М., 1783.

³⁴ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т. 10–11. М., 1788.

³⁵ Брикнер А. Г. История Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1882.

Н. Г. Устрялова³⁶, Ф. Ф. Веселаго³⁷, С. И. Елагина³⁸ и других авторов³⁹, так и краеведческие публикации в «Памятных книжках» и «Губернских ведомостях» Олонецкой и Архангельской губерний⁴⁰, описания губерний В. А. Дашкова и В. П. Верещагина⁴¹, работу Игнатия (Семенова)⁴² и другие краеведческие работы⁴³. Всего он упоминает более 25 различных исследований. В очерке использовано и несколько публикаций источников («Письма и бумаги Петра Великого»⁴⁴, «Походные журналы Петра Великого»⁴⁵, сочинения И. Филиппова⁴⁶ и С. В. Максимова⁴⁷ и др.).

В обзоре исследований В. П. Мегорский сделал примечание о том, что работу А. С. Кроткова «Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году» ему «весьма любезно указал» В. М. Черемисинов⁴⁸.

Кроме того, много полезных сведений В. П. Мегорский получил из единственного неопубликованного источника – хранившегося в архиве Олонецкого губернского статистического комитета «Дела

³⁶ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. СПб., 1863.

³⁷ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875.

³⁸ Елагин С. И. Материалы для истории русского флота. Т. 1. СПб., 1865; Т. 3. СПб., 1866.

³⁹ Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896; и другие работы.

⁴⁰ Иванов А. И. Петр Великий на Олонце в 1702 году // ПКОГ на 1858 год. Петрозаводск, 1858. Ч. 3. С. 98–114; Огородников Е. К. Петр Великий и плоды пребывания его на нашем севере // АГВ. 1872. № 38; и другие работы.

⁴¹ Дашков В. А. Описание Олонецкой губернии. СПб., 1842; Верещагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.

⁴² Игнатий (Семенов). Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. СПб., 1849.

⁴³ Майнов В. Н. Осударева дорога // ДНР. 1876. Т. 1. № 2. С. 182–187 (перепечатано: Олонецкий сб. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. Отд. 2. С. 25–34); и другие работы.

⁴⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889.

⁴⁵ Походный журнал 1702 года. СПб., 1853.

⁴⁶ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.

⁴⁷ Максимов С. В. Год на Севере. Изд. 3-е. СПб., 1871.

⁴⁸ Вероятно, это был Владимир Михайлович Черемисинов (1875 – после мая 1920), выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1900), поручик (1897), штабс-капитан (1900), участник Первой мировой и Гражданской войн, революцию 1917 года встретил в чине генерал-майора (1916), участник Белого движения, эмигрировал, жил в Югославии, тяготел к изучению военной истории, был председателем Военно-исторической комиссии по сбору и обработке документов Великой войны бывшего Юго-западного и Румынского фронтов (с ноября 1918) и начальником Военно-исторической комиссии войск Новороссийской области в Одессе (на ноябрь 1919).

1821 года о восстановлении дороги Осударевой». И хотя сам автор пишет, что «Осударева дорога» написана «в значительной части по данным местной архангельско-олонецкой исторической литературы», на самом деле работа основана на материалах важнейших исследований и источников, посвященных Петровской эпохе и опубликованных к началу XX века.

Очерк В. П. Мегорского в ПКОГ не содержит подробного обзора источников и исследований и начинается с изложения сведений о постройке Осударевой дороги. «Распорядителем работ» был сержант Преображенского полка Михаил Иванович Щепотев. По подсчетам Мегорского, для постройки дороги было собрано 6–7 тыс. крестьян. Работы по строительству дороги начались в конце июля. В очерке использован и чисто краеведческий прием – подробное описание местности, где прошла Осударева дорога, из которого сделан важный вывод: «Итак, главное и постоянное свойство рассматриваемой местности, особенно в северной ее части – болотистость и топкость и отсюда почти полная непроходимость». В связи с этим В. П. Мегорский отмечает утверждение в «Истории Свейской войны» о том, что эти места «были пустые и зело каменистые», и делает вывод, что оно «не заслуживает доверия».

На основе дела о восстановлении дороги 1821 года В. П. Мегорский составил перечень работ и сделал вывод, что для выполнения этой работы за два месяца нужно было привлечь не менее 7,5 тыс. человек и 3,5 тыс. лошадей. В августе 1702 года М. И. Щепотев сообщил Петру I, что «дорога готова, и пристань, и подводы, и суда на Онеге готовы... а подвод собрано по 2-е число 2000, а будет еще прибавка...» Вечером 16 августа 1702 года петровская эскадра подошла к селению Нюхча. Два малых фрегата «Святой дух» и «Курьер» были вытащены на берег. Поход от Белого моря к Онежскому озеру начался. Вместе с Петром I в походе участвовали царевич Алексей Петрович, А. Д. Меншиков, Ф. А. Головин, В. Д. Кормчин, карлик Ермолай Иванов и пять батальонов гвардии, численностью «слишком 4000 человек», а также собранные М. И. Щепотевым работники с подводами. Для лучшего понимания обстоятельств похода в ПКОГ к очерку В. П. Мегорского была приложена карта, на которой был указан приблизительный маршрут похода.

В газетном очерке была проделана большая работа по определению сроков похода, пройденного расстояния и количества стоянок – ямов. В. П. Мегорский проявил себя здесь опытным источниковедом. На основе анализа всех указаний о длине Осударевой дороги и расчета расстояния по переходам «от деревни к деревне» он пришел к выводу, что

«относительно верная цифра» ее протяженности – 185 верст. При этом автор ссылается на статью Д. И. Прозоровского «О старинных русских мерах протяжения»⁴⁹.

Продолжительность похода тоже определялась на основе разнообразных сведений. Для проверки указания Н. И. Новикова, что поход начался 17 августа, в понедельник, В. П. Мегорский использовал методы исторической хронологии: «Зная день Пасхи в 1702 году (5 апреля), нетрудно рассчитать, что 17 августа был понедельник, согласно с Новиковым». В Повенец участники похода прибыли, по одним данным, «26-го, под вечер», по другим, косвенным, 27 августа. Кроме того, один из дней был потерян «за ненастьем». Таким образом, за 10 дней было совершено 9 переходов и устроено 9 ямов.

Умелое использование методов источниковедения, исторической метрологии и хронологии позволяет считать, что В. П. Мегорский оставался краеведом по проблематике, но по методике он был, безусловно, профессиональным историком.

В ПКОГ В. П. Мегорский уже более уверенно пишет, что за 10 дней было пройдено около 185 верст и 27 августа участники похода достигли Повенца. Им были установлены места всех стоянок Петра. При описании похода использовались краеведческие источники – различные предания о походе, бытовавшие среди местных жителей, в том числе и знаменитая легенда о Воротном острове⁵⁰.

В газетной публикации также упомянуто высказывание Петра I о выговских старообрядцах. Ссылаясь на «Историю Выговской пустыни» Ивана Филиппова, В. П. Мегорский пишет: «Невдалеке жили раскольники, вне закона, и потому здесь сильно испугались. Солома и смолье для самосожжения были уже готовы. Но все обошлось. Петр “проехал смирно”». Со ссылкой на публикацию в журнале «Мирской вестник» В. П. Мегорский привел диалог Петра I и некоего «вельможи»: «Что за люди»? – «Это раскольники, за царя не молятся». – «А пода-ти платят»? – «Народ исправный». – «Ну, пусть живут». Показательно, что в очерке, помещенном в ПКОГ, все упоминания о старообрядцах исчезли. Вероятно, это произошло из-за противодействия деятелей православного духовенства, для которых распространение сведений о веротерпимости Петра I в условиях борьбы официальной церкви со старообрядцами было очень нежелательным.

⁴⁹ Известия Русского археологического общества. 1872. Т. 1. Вып. 3. С. 258–274.

⁵⁰ См.: Северные предания / подгот. текста Н. А. Криничной. Л., 1978. С. 127–128; Предания Русского Севера / сост.: Н. А. Криничная. СПб., 1991. С. 210.

Особое внимание в очерке уделяется вопросу о человеческих потерях, понесенных во время этого похода. В. П. Мегорский пишет: «Среди кемско-повенецких болот и топей остались все те, кто не вынес трудов и лишений утомительного похода. Нет возможности произвести точный подсчет убыли, понесенной населением в это время. Останется удовольствоваться указанием предания: “немало погибло здесь народа во время этой трудной работы...”». Здесь же он полемизирует с малоизвестным историком Л. Лебедевым⁵¹, который со ссылкой на Н. Г. Устрялова писал, что из 4 тыс. участников похода 1424 «остались в болотах».

В очерке были приведены примеры использования дороги после похода 1702 года. Вплоть до окончания Северной войны в 1721 году по ней перевозили грузы и людей из Архангельска в Петербург и обратно, затем дорога пришла в упадок. В. П. Мегорский приводит ссылку из изданных Н. И. Новиковым в 1783 году «Новодвинских записок»: «Ныне оная дорога за давностью времени вся запустела и лесом проросла и мосты все огнили, понеже ездовых чрез то место никого и никогда не бывает и не точию летом, но и зимою не ездят и дороги никакой не имеется».

Интерес к Осударевой дороге неожиданно возродился в начале XIX века. При посещении Архангельска летом 1819 года Александр I заинтересовался рассказом о походе Петра I от Белого моря к Онежскому озеру. В. П. Мегорский пишет, что «впечатлительный государь» «сильно увлекся заманчивою мыслью провести несколько дней среди тех же самых болот, лесов и топей» и пообещал через два года вновь приехать в Архангельск, чтобы «обратный путь совершить по местам, где в 1702 году шел с кораблями и войском Великий Петр».

Хотя это намерение осуществить не удалось, военный губернатор Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний А. Ф. Клокачев начал в конце 1820 года переписку по восстановлению дороги. Уже в январе 1821 года повенецкий исправник Малевинский проехал из Повенца до Пулозера, опросил крестьян и уже в начале февраля отправил описание дороги в Петрозаводск. В. П. Мегорский предположил, что Малевинский нашел какое-то описание Осударевой дороги или прилегающей к ней местности в архиве Повенецкой ратуши и использовал эти материалы в своем отчете. В конце марта 1821 года ту часть дороги, которая пролегла по Архангельской губернии, осматривал заседатель Кемского суда Пономарев. Он тоже составил описание дороги, которое

⁵¹ Лебедев Л. Жизнь Петра Великого. СПб., 1890.

в мае было прислано в Архангельск. В описании Пономарева В. П. Мегорский также усмотрел использование какого-то архивного источника и предположил, что это могло быть составленное в 1797 году топографическое описание Повенца, отправленное в Архангельское губернское правление, о котором упоминается в работе В. А. Дашкова⁵².

В XIX веке возникло много проектов соединения каналом Белого моря и Онежского озера, решавших ту же задачу, что и Осударева дорога. В. П. Мегорский писал: «Начиная с 1830 года не проходило 2–3 лет, чтобы не поступали к начальству или заявления о необходимости соединения Белого моря и Онежского озера в виде проектов или ходатайства об этом местных жителей и властей». В начале XX века эта идея трансформировалась в проект устройства железнодорожного сообщения между Белым и Балтийским морями.

Вероятно, пропаганда необходимости постройки железной дороги была своего рода сверхзадачей работы В. П. Мегорского. В газетном очерке даже приведено предание о том, что Петр I хотел пустить по Осударевой дороге железнодорожное сообщение. Мегорский особо отмечает, что «предание о постройке Петром Великим для Олонецкого края железной дороги оказывается совершенно согласным с духом его деятельности, и, живи он в настоящее время, “давно бы уж железная дорога ходила”». Очерк завершается пафосным заявлением в поддержку этого железнодорожного проекта: «И если в то время, при всей примитивности своего устройства, Осударева дорога удовлетворяла потребностям времени, то должно ожидать, что и новая железная дорога оправдает те надежды, которые возлагают на нее государство и беломорско-балтийский край». На этом примере хорошо видно, что в начале XX века краеведческая информация активно использовалась местными властями для реализации каких-то больших региональных проектов.

Очерк В. П. Мегорского «Осударева дорога» сочетает в себе черты научно-исторической и краеведческой работы. С научной работой по истории его сближают хорошее знание и умелое использование работ предшественников и опубликованных источников, а с краеведческой – использование сведений о местности, народных преданий и привязка исторической работы к актуальным проблемам современности. Тема деятельности Петра I в Олонецком крае была очень актуальной в начале XX века в связи с 200-летием основания Петрозаводска и Петербурга. Одновременно с очерком В. П. Мегорского появилась публикация старейшего петрозаводского краеведа

⁵² Дашков В. А. Описание Олонецкой губернии. С. 166.

И. И. Благовещенского (1853–1924)⁵³, также посвященная Осударевой дороге⁵⁴, но очерк В. П. Мегорского превосходил ее и по объему, и по научному уровню.

Сразу после появления очерк «Осударева дорога» был замечен другими исследователями. Летом 1906 года Петрозаводск посетил «для собирания этнографического материала» начинающий писатель М. М. Пришвин. По итогам этой поездки в 1907 году в столичном издании А. Девриена вышла его книга «В краю непуганых птиц»⁵⁵, принеся ему большую известность. Эта книга имеет характер историко-краеведческих очерков, в одном из которых подробно пересказана работа В. П. Мегорского «Осударева дорога»⁵⁶.

В 1909 году в Архангельске вышел сборник «Петр I на Севере», в котором статья В. П. Мегорского «Осударева дорога» из «Памятной книжки Олонецкой губернии» была пересказана в сокращении⁵⁷.

На рубеже XX–XXI веков появилось несколько научных работ, посвященных Осударевой дороге⁵⁸. Современные результаты научного изучения истории Осударевой дороги подведены в монографии П. А. Кротова «Осударева дорога 1702 года: пролог основания Петербурга»⁵⁹. Тем не менее очерк В. П. Мегорского до сих пор представляет определенный научный интерес как крупнейшее дореволюционное исследование этой проблемы и как показатель уровня ее изучения в начале XX века.

⁵³ Подробнее об И. И. Благовещенском см.: Пашков А. М. В. Е. Рудаков и И. И. Благовещенский : из истории краеведения Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв. // Державинский сборник – 2013. Петрозаводск, 2013. С. 67–85.

⁵⁴ Благовещенский И. И. Историческая дорога // ПКОГ на 1903 год. Петрозаводск, 1903. С. 289–297.

⁵⁵ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц : очерки Выговского края. СПб., 1907. 194 с.

⁵⁶ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц // Собр. соч. : в 8 т. Т. 1. Произведения 1906–1914 годов. М., 1982. С. 41–180 (или любое другое издание).

⁵⁷ Осударева дорога // Петр I на Севере : сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. С. 129–136.

⁵⁸ Беспятовых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 31–62; Кротов П. А. Осударева дорога в 1702 году // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178–220; Его же. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 97–158; Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга, 1703 год : книга исследований. Изд. 2-е. СПб., 2009. С. 223–232.

⁵⁹ Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года : пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. 309 с.

В марте 1903 года В. П. Мегорский опубликовал заметку «Прозевали ли лодейнопольцы свои юбилеи»⁶⁰, в которой доказывал, что 24 марта 1703 года по указу Петра I и сделанному на его основе распоряжению А. Д. Меншикова на Олонецкой верфи были заложены первые суда – фрегат «Штандарт», почтовый галиот, пять буеров и два шмака, и поэтому основание петровской Лодейнопольской верфи следует отмечать 24 марта.

Чтобы повысить свою квалификацию как историка-исследователя летом 1903 года В. П. Мегорский поступил на учебу в Петербургский археологический институт, а в мае 1905 году успешно окончил его со званием действительного члена⁶¹. Это учебное заведение готовило «специалистов по русской старине». В начале XX века там преподавали ведущие историки, филологи и архивоведы Петербурга: русскую палеографию читал И. А. Шляпкин, курс «Историческая география и этнография России» – С. М. Середонин, дипломатику и сфрагистику – Н. П. Лихачев, нумизматику – А. К. Марков, архивоведение – А. П. Воронов, курс «Государственные учреждения России XVII и XVIII веков» – В. М. Грибовский, христианскую археологию – Н. В. Покровский⁶².

Возможно, что для Мегорского одним из побудительных мотивов для поступления в Археологический институт был тот факт, что один из его преподавателей – А. П. Воронов (1864–1912) – был выходцем из Петрозаводска⁶³. Другим побудительным мотивом стало то, что в 1901 году там же окончил курс Петр Петрович Мегорский – младший брат Василия, который позже жил в Челябинске и известен там как педагог и краевед⁶⁴.

⁶⁰ Мегорский В. Прозевали ли лодейнопольцы свои юбилеи // ОГВ. 1903. № 27 (от 11 марта).

⁶¹ Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге. СПб., 1911. С. 71.

⁶² Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского археологического института в 1903–1904 учебном году // Вестник археологии и истории. Вып. 17. СПб., 1906. Паг. 1. С. III; Пашков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 26 с.

⁶³ Подробнее о нем см.: Пашков А. М. Андрей Петрович Воронов – малоизвестный архивовед и историк Русского Севера // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX междунар. науч. конф. Ч. 2. М., 2008. С. 509–512.

⁶⁴ Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге. С. 48; Петр Петрович Мегорский (1878–1930) // Челябинск : энциклопедия. URL: <http://www.book-chel.ru/ind.php?id=1423&what=card> (дата обращения: 27.10.2020).

Среди многих известных ученых Археологического института можно назвать и С. Ф. Платонова. С 1904 года он читал в институте в качестве необязательного предмета курс источниковедения «Обзор источников русской истории летописного типа»⁶⁵. В «Лекциях по русской истории» С. Ф. Платонова имеется интересное замечание: «В 1702 году Петр из Архангельска без дорог, через леса и болота прошел до Ладожского озера и протащил с собой две яхты (следы рубленных им просек видны до сих пор)»⁶⁶. Можно предположить, что замечание о существовавших до конца XIX века следах просек появилось в результате знакомства С. Ф. Платонова с В. П. Мегорским и с его работой «Осударева дорога». Учитывая их причастность к Археологическому институту, это предположение можно считать вполне убедительным.

Помимо лекционных занятий, в институте по воскресеньям происходили так называемые вечерние собрания, на которых преподаватели и слушатели выступали с рефератами на исторические темы. Так, в 1904/05 учебном году состоялись четыре таких собрания, на которых было заслушано 10 рефератов. На собрании 10 апреля 1905 года были заслушаны реферат профессора С. Ф. Платонова «Царь Борис Федорович Годунов в русской историографии (к 300-летию кончины царя Бориса)» и реферат Г. В. Тихомирова «Отношение к памяти царя Бориса у ближайших современников и за протекшие 300 лет»⁶⁷.

Вместе с В. П. Мегорским на одном курсе учились и окончили Археологический институт со званием действительного члена статский советник А. М. Андрияшев (1863–1933), выпускник Киевского университета, историк и архивист, и Н. С. Шайжин (1879–1950), земляк В. П. Мегорского, учащийся Санкт-Петербургской духовной академии и в будущем известный краевед Олонецкой губернии⁶⁸.

За годы учебы в Археологическом институте В. П. Мегорский опубликовал еще две работы. Статья «Начальные лица в Олонецком крае в царствование Петра Великого» посвящалась истории

⁶⁵ Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского археологического института в 1904–1905 учебном году. Паг. 2. С. II; Платонов С. Ф. Обзор источников русской истории летописного типа : лекции, читанные в императорском Археологическом институте в 1904–1905 академическом году. СПб. : Издание слушателей института, 1905. 94 с. (литогр.).

⁶⁶ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 499 (1-е изд.: СПб., 1899, в дальнейшем до 1917 года переиздавались еще несколько раз).

⁶⁷ Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского археологического института в 1904–1905 учебном году. С. VII.

⁶⁸ О нем см.: Никифорова Л. А. Историк Пудожского края Н. С. Шайжин : страницы биографии // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера : материалы регион. науч. конф. Петрозаводск, 2006. С. 41–51.

местного управления Олонецкого края в середине XVII – первой четверти XVIII века и была напечатана в августе 1904 года⁶⁹. Ее предварял список литературы, который не содержал каких-либо новых трудов по Петровской эпохе, за исключением редкой работы В. Н. Берха «Жизнеописание первых российских адмиралов»⁷⁰. Историю местного управления Олонецкого края В. П. Мегорский начинает с середины XVII века, когда Олонецкий край был выделен из Новгородского уезда и получил своего воеводу, жившего в Олонце.

В начале XVIII века, примерно до конца 1702 года, «олонецкий воевода продолжал еще некоторое время играть видную роль в жизни края». Но с появлением Лодейнопольской верфи и Петровских заводов ситуация изменилась. В. П. Мегорский пишет: «...в многочисленных актах всей первой четверти XVIII столетия о воеводе уже не упоминается. Он как-то сразу оказался в стороне. Местная жизнь пошла мимо воеводы. Все важное перешло к новым начальным лицам, около которых сосредоточился отныне главный интерес жизни края». В первое десятилетие активных преобразований в Олонецком крае «начальными лицами» были комендант И. Я. Яковлев, его заместитель и преемник А. С. Чоглоков и шаутбенахты (контр-адмиралы) И. Ф. Боцис и Ян (Юган) фан Рез.

О И. Я. Яковлеве В. П. Мегорский писал: «Требовательный и взыскательный как начальник и мелочный и самолюбивый как человек, И. Я. Яковлев имел главное наблюдение за ходом нового дела в Олонецком крае и ближайшее заведывание Лодейнопольской верфью. С ним, главным образом, сносилось по разным вопросам центральное начальство – адмиралтейство и (в силу особенной близости к государю) губернатор А. Д. Меншиков. С него взыскивали упущения не только на верфи, но и на заводах. Он отпускал деньги для расплаты с заводскими рабочими. Явившись на верфь, Яковлев, особенно в первые годы, оказался совершенно неподготовленным к новой деятельности. Вице-адмирал К. Крюйс обещал “так привести Ивана Яковлевича, что во время двух годов он истинно знающий человек будет”. И. Ф. Боцис тоже находил, что комендант “в таких делах, как видится, не искусен”. И. Я. Яковлев умер в январе 1707 года».

Такая же краткая и меткая характеристика дана уроженцу Далматии И. Ф. Боцису, руководившему постройкой галерного флота на Свири в 1703–1705 годах. До приезда в Россию он служил 17 лет в венецианском флоте и, по его признанию, имел тогда «разбойников всех

⁶⁹ ОГВ. 1904. № 86, 89, 91, 94–96.

⁷⁰ Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов. Ч. 1. СПб., 1831.

в Архипелаге под своим покровом». Второй шаятбенахт Ян ван Рез, руководивший постройкой корабельного флота, был человеком слабохарактерным и безвольным и, как пишет В. П. Мегорский, «не оставил следов своей деятельности ни в обычных дрязгах того времени, ни в подвигах». Ян ван Рез умер в ноябре 1705 года.

Преемником И. Я. Яковлева на посту олонецкого коменданта стал А. С. Чоглоков. В. П. Мегорский пишет: «Вице-комендант Алексей Чоглоков, не пользовавшийся, по-видимому, вниманием со стороны центрального начальства, так как его даже не считали нужным именовать по отчеству, которое так и осталось неизвестным, совершенно не знал горного дела, которое было ему поручено. Он очень дипломатично держал себя с властями, не исключая и коменданта, но тем не менее с большой твердостью отстаивал пред ними свою самостоятельность в области ему отведенной. По смерти И. Я. Яковлева к нему перешло достоинство коменданта. Какой конец постиг его и когда – нам неизвестно, но, во всяком случае, не позднее 1713 года».

Из работы А. П. Глаголевой известно, что Чоглокова звали Алексеем Степановичем и в ноябре 1711 года его за злоупотребления отозвали в Петербург, где он был взят под караул, а его имущество конфисковано. Но вскоре его простили, вернули имущество, он продолжал службу в Центральной России, а в 1727 году даже подавал челобитную о полной реабилитации⁷¹.

Много места В. П. Мегорский уделяет описанию различных конфликтов между «начальными лицами» Олонецкого уезда и представителями центральных властей. В статье подробно рассмотрен конфликт между комендантом И. Я. Яковлевым и вице-адмиралом К. И. Крюйсом. В марте 1705 года К. И. Крюйс потребовал от И. Я. Яковлева прислать в Петербург «60 плотников добрых», но было прислано только 23 здоровых плотника и 4 больных. Объем работы для них был приготовлен очень большой, на 284 человека в течение полугода. Оба начальника стали жаловаться друг на друга А. Д. Меншикову, Ф. А. Головину и самому Петру I. Едва затих этот конфликт, как в июне 1705 года К. И. Крюйс вновь пожаловался на И. Я. Яковлева Ф. М. Апраксину, а в августе уже Яковлев жаловался на Крюйса А. Д. Меншикову. Новый конфликт разгорелся из-за того, что К. И. Крюйс потребовал прислать в Петербург разные припасы для флота по специальному перечню («рописи»), но самой росписи не прислал.

⁷¹ Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 192–193.

Кроме того, происходили конфликты И. Я. Яковлева с А. С. Чоглоковым, так как «Яковлев позволял себе вмешиваться в область, отведенную Чоглокову», а последний отвечал И. Я. Яковлеву, что «ему заводов ведать не велено». Из-за плохих отношений между Яковлевым и Чоглоковым многие мелкие проблемы и недоразумения быстро перерастали в конфликты и тяжбы. В. П. Мегорский пишет, что иногда на верфи не могли дожидаться пушек, якорей, чугунных досок и другой продукции с Олонецких заводов и к А. С. Чоглокову «многие указы и нарочные посыльщики были по вся недельно» в течение полугода, но припасы лежали на заводах «не для иного чего, только что за очищением от льду Онежского озера». И. Я. Яковлев и А. С. Чоглоков жаловались друг на друга в Петербург, а начальство стремилось их помирить. Так, А. Д. Меншиков писал И. Я. Яковлеву: «Для Бога, в делах имейте согласие. Сами вы ведаете, что не постороннее какое-то – его Великого государя дело на вас положено».

В 1713 году верфь перешла в ведение комиссара И. А. Торماسова. При нем К. И. Крюйс был доволен ходом дела на верфи, хотя к тому времени ее деятельность ослабла. Главное внимание властей было обращено на развитие в Олонецком крае горного производства. Указом Петра I от 4 января 1714 года сюда был назначен новый комендант и управитель Виллим де Геннин. В. П. Мегорский обрисовал его яркий и привлекательный портрет: «С преждевременной проседью, слабой грудью и ревматизмами, нервный и вспыльчивый, сторяча способный наговорить напрямки горьких истин и, остынув, терзаться своей непроизвольной резкостью, нажившей ему много врагов, и скорее живой и подвижный, сухощавый и высокий, чем спокойно-флегматичный, низкий и плотный, – таким представляется нам по сохранившимся документам Геннин, новый начальник Олонецкого края, по призванию горный инженер, с увлечением отдававшийся любимому занятию и подробно описывавший постановку и ход заводского дела даже в письмах к Екатерине I».

В. И. Геннин умел ладить с начальством и был в прекрасных отношениях с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным. В письмах к нему В. И. Геннин признавался, что тот «человеком его сделал», возлагал на него «всю свою во всем надежду», называл его «второй отец» и «верный друг», обстоятельно и подробно описывал обо всем, что делалось в Олонецком крае. В. П. Мегорский пишет, что «близость их во многих случаях оказывалась весьма полезною для дела, порученного Виллиму Геннину». В качестве коменданта и управителя железных и медных заводов В. И. Геннин находился в Олонецком крае до 1722 года.

В статье В. П. Мегорского «Начальные лица в Олонецком крае в царствование Петра Великого» отразилось характерное для либеральной интеллигенции недовольство самодержавной властью накануне 1905 года. Это проявилось в живописании бесправного положения населения и злоупотреблений олонецких воевод в XVII веке, описании неэффективности управления и мелочных склок «начальных людей» в Петровскую эпоху. В статье присутствуют и характерные для либеральной оппозиции антиклерикальные обличения. Единственным компетентным начальником автор считает В. И. Геннина. Можно отметить и определенную методическую слабость статьи, содержание которой шире названия. И тем не менее она имеет определенное значение, поскольку была посвящена важной и неизученной в истории края проблеме: роли местного управления в Петровскую эпоху, содержала большой и интересный фактический материал и позволяла понять, как менялась система управления Олонецким краем в период Петровских реформ, кто персонально входил в состав «начальных людей», и как они взаимодействовали с вышестоящим начальством.

В октябре 1904 года появилась еще одна заметка В. П. Мегорского – «Поправки в статье “Начальные лица в Олонецком крае в царствование Петра Великого” и дополнение к статье “Осударева дорога”»⁷², но никаких краеведческих сведений в ней не содержится.

Следующая статья В. П. Мегорского под названием «Лодейнопольская верфь в царствование Петра Великого» была напечатана в издававшемся Морским министерством журнале «Морской сборник»⁷³ и перепечатана в ОГВ⁷⁴.

Эта статья написана на основе традиционных для В. П. Мегорского опубликованных источников и исследований. Он использовал подготовленные В. Н. Берхом письма Петра I⁷⁵ и В. И. Геннина⁷⁶, «Письма и бумаги Петра Великого», изданные А. Ф. Бычковым⁷⁷, «Материалы по истории русского флота», собранные С. И. Елагиным⁷⁸, а также работы по истории русского флота В. Н. Берха⁷⁹, Ф. Ф. Веселаго⁸⁰

⁷² ОГВ. 1904. № 116.

⁷³ ОГВ. 1905. № 90–94.

⁷⁴ Морской сборник. 1905. № 5. Пар. 2. С. 1–20.

⁷⁵ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. 2. СПб., 1829.

⁷⁶ Горный журнал. 1826. Кн. 4. С. 93–132.

⁷⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2–3. СПб., 1889–1893.

⁷⁸ Елагин С. И. Материалы для истории русского флота. Т. 1; Т. 3.

⁷⁹ Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов. Ч. 1.

⁸⁰ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872.

и Н. П. Боголюбова⁸¹. В последней работе В. П. Мегорский обратил внимание на рисунки кораблей петровского времени.

В качестве дополнительного источника использовались три народные «досюльные» песни, посвященные службе во флоте или упоминавшие Лодейнопольскую верфь: девичья причеть «Улетела воля-волюшка во Лодейное полюшко...», причеть женщины, у которой мужа берут в солдаты, «Отправляю мужа любимого на те ли поля злодйные, подальше того, на Каному...» и матросская песня о том, как неопытный «молодой полковничек» вывел корабль в море, попал в шторм и утонул. Песни эти несут важную нагрузку. На основе их содержания В. П. Мегорский пытается воссоздать отношение местного населения к Лодейнопольской верфи. Две песни была записаны в Пудожском уезде и опубликованы Н. С. Шайжиным, выходцем из семьи местного священника и однокурсником В. П. Мегорского по Археологическому институту⁸², третья – Н. В. Кофыриным, учителем из села Песчаное Пудожского уезда⁸³.

Кроме того, топографию различных исторических памятников, связанных с Лодейнопольской верфью, В. П. Мегорский восстанавливает на основе упоминавшегося выше путевого очерка А. Анненского⁸⁴.

Историю верфи В. П. Мегорский начинает с указа Петра I стольнику И. Ю. Татищеву от 22 января 1702 года о постройке шести военных кораблей и об осмотре рек Сяси и Паши для того, чтобы создать там верфь. Во второй половине февраля И. Ю. Татищев донес царю, что ездил на Сясь, Пашу и побывал на Свири. Отсюда В. П. Мегорский делает вывод, что «мысль об устройстве на ее берегах верфи должна быть приписана Татищеву». Затем поручение о постройке шести судов «на Свири или на Паше» был дано генерал-адмиралу Ф. А. Головину. В сентябре 1702 года, во время похода по Свири на Нотебург, сам Петр «увидел богатство корабельных лесов на ее берегах», что тоже повлияло на решение об устройстве верфи.

⁸¹ Боголюбов Н. П. История корабля. Т. 2. Ч. 1. Судостроение и мореходство в России. М., 1880.

⁸² Шайжин Н. С. Досюльные песни (записаны в селе Нигижма от крестьянина И. Д. Матюшина) // ОГВ. 1904. № 4.

⁸³ Кофырин Н. В. Свадебные обряды и обычаи в селе Песчаном // ОГВ. 1899. № 93. Подробнее о нем см.: Пашков А. М. Н. В. Кофырин : сельские учителя и модернизационные процессы среди крестьянства Олонецкой губернии в начале XX века // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 7 (136). Т. 1. С. 7–12.

⁸⁴ Анненский А. Из поездки по Олонецкому краю.

О создании Лодейнопольской верфи В. П. Мегорский пишет: «Осенью 1702 года, вероятнее всего по взятии Нотебурга, когда почувствовалась явная нужда во флоте для закрепления за собой течения Невы и обеспечения дальнейших успехов на балтийском побережье, выбрано место для верфи в Пиркинском погосте, на берегу Свири, близ деревни Мокрившицы. Чрезвычайно быстро местность стала неузнаваемой. Среди векового леса образовалось многолюдное поселение, в котором видим церковь (теперь тут деревянный крест), простоявшую до сентября 1766 года, деревянный дворец для государя (на месте нынешнего каменного собора), лазарет, приказную избу, мастерские, чертежные, кузницы, смольни, казенные провиантские амбары, канатно-прядильный двор и помещения для служащих и мастеровых».

В начале 1703 года, «но не позднее первых чисел февраля» на верфи появился комендант И. Я. Яковлев и два шаутбенахта И. Ф. Боцис и Ян де Рез. С ними появилось «довольное число» офицеров – «немцев», несколько врачей, дьяк с подьячими и мастера или корабельные инженеры. Среди них «преобладали русские, голландцы и греки». О других людях, занятых работами на верфи, В. П. Мегорский писал: «Контингент остальных служащих составлялся из переводчиков, солдат, матросов, мастеровых людей и невольников. Матросы были также частью русские, частью иностранцы – итальянцы и греки – «по одному греку на всякий десяток»... На галеры в качестве гребцов присылались невольники из татар и турок». Положение иностранных мастеров на верфи иллюстрируется одним ярким примером. Греки, пользуясь покровительством И. Ф. Боциса, «заявили себя “прихотливостью”». По этому поводу А. Д. Меншиков писал И. Я. Яковлеву: «А буде (мастер-грек. – *Прим. В. П. Мегорского*) станет делать по своим прихотям, ты его скуй и прикажи кормить его с водою до указа, а на прихоти их (тех же мастеров. – *Прим. В. П. Мегорского*), опричь самого дела, без чего пробыть не мочно, не смотри и чини, как тебе указ повелевает».

В статье приведены многочисленные, ходя и беспорядочные данные об уровне оплаты труда занятых на верфи. Изложив их, В. П. Мегорский заключает: «Если из столь скудных данных можно сделать какой-либо вывод о содержании служащих на верфи, то разве только тот общий, что оклады были не ахти какие». Отмечалось, что в апреле 1704 года на верфи возникли продовольственные трудности – в наличии имелись только вяленое мясо и соль.

Один из вопросов, на которые постоянно обращает внимание В. П. Мегорский, – отношение местного населения к верфи. По этому поводу он пишет: «Заготовка лесов для постройки кораблей шла

вяло, отчасти потому, что в ту зиму снега были глубокие, выше пояса, но, главным образом, потому, что олончане, на которых, как снег на голову, свалилась работа, не находили в ней большого удовольствия, скорее напротив, и отговаривались неумением». Но, благодаря жестким мерам, предпринятым А. Д. Меншиковым, лес был заготовлен. В статье приведен отрывок из письма А. Д. Меншикова Петру I от 18 февраля 1703 года: «Сего 11-го числа из Шлиссельбурга ездил на Олонец и, быв, указ учинил: за невысылку плотников и работников два человека бурмистров биты на козле кнутом и велел их послать в Азов. А с Олонца для смотрения корабельного заводу был на Каноме: имя Каномы на реке на Свири, прозвание урочища Кама. Леса зело изрядные, не только что на шмаки⁸⁵, и в 50 пушек на корабельное строение книсы⁸⁶ годятся, зело изрядные. А вырублено книс по мой приезд 5000».

Принятые меры позволили заложить 24 марта первые девять кораблей. В. П. Мегорский пишет: «Итак, 24 марта 1703 года была открыта Лодейнопольская верфь, существовавшая около 130 лет». В статье подробно рассказано, как и откуда шло снабжение кораблей канатами, холстом и т. д. Например, холст на паруса «частью был олонецкого производства». 22 июня был спущен на воду почтовый галиот «Курьер» – первое судно, построенное на Лодейнопольской верфи.

В статье подробно описан приезд на верфь Петра I. Царь приехал 21 июля. В его присутствии было заложено несколько новых кораблей и спущены на воду несколько шмаков, буеров и галиотов⁸⁷ и, наконец, 22 августа – 24-пушечный фрегат⁸⁸ «Штандарт». В статье

⁸⁵ *Шмак* – небольшое парусное судно для транспортировки грузов и пассажиров в Северном и Балтийском морях. В России двухмачтовые шмаки с косями парусами применялись в первой половине XVIII века в качестве военных транспортов.

⁸⁶ *Книса (кница)* – деревянная пластина из части ствола дерева с корнем, крепившая шпангоут (поперечное ребро корпуса) с настилом палубы.

⁸⁷ *Буер* – небольшое грузовое 1- или 2-мачтовое судно для плавания по озерам и прибрежным водам морей, длиной до 20 метров, предшественник флейта, в России использовался и как прогулочное судно; *галиот* – небольшое транспортное 2-мачтовое судно в Северной Европе, преимущественно для прибрежного плавания, длиной до 22 метров, шириной до 6 метров, осадка до 2 метров, грузоподъемность до 70 тонн.

⁸⁸ *Фрегат* – 3-мачтовый парусный корабль с полным корабельным парусным вооружением, предназначался для дальней разведки и крейсерской службы, иногда включался в боевую линию, имел до 32 пушек на двух палубах. До вступления в строй линейных кораблей в 1713 году фрегаты составляли основу боевой линии Балтийского флота.

отмечается, что «одну шняву⁸⁹ строил сам государь, постоянно находившийся на работах». 8 сентября эскадра кораблей по главе с Петром I отбыла в Петербург.

В. П. Мегорский пишет: «С отплытием государя кораблестроение на верфи не только не остановилось, но приняло еще большие размеры. Закладывали и строили фрегаты, буеры, шмаки, галиоты, бригантины, скампвеи, карбусы, шнявы, флейты, галеры и каторги»⁹⁰. В статье приведен отрывок из письма корабельного мастера Федора Салтыкова Петру I, написанного в ноябре 1703 года, где сделана подробная роспись всем строящимся кораблям. По его содержанию В. П. Мегорский делает вывод: «Итак, в ноябре 1703 года 18 корабельными мастерами одновременно строилось более 50 судов. Так широко было поставлено корабельное дело в Лодейном Поле сразу же по основании верфи».

Но описание успехов не заслонило от В. П. Мегорского второй проблемы – положения занятых на верфи простых рабочих. Он пишет: «...во внутренней жизни верфи мы замечаем много важных недостатков: не была установлена продолжительность рабочего дня, не были разграничены права и обязанности служащих, не выработана система взысканий за проступки, вследствие чего сильно был развит начальственный произвол. Понятное дело, рабочий люд бегал, не только отдельные лица, но и целые партии». Внимание к этим вопросам

⁸⁹ *Шнява* – небольшое парусное судно в Северной Европе и России во второй половине XVII – начале XIX века. Имела две мачты с прямыми парусами и бушпритом, 12–18 пушек малого калибра. В Петровскую эпоху использовалась для разведки и посыльной службы.

⁹⁰ *Бригантина* – небольшое парусно-гребное быстроходное судно галерного типа, была распространена в Средиземноморье, в России строилась с 1697 года, на Балтийском море применялась для десантных, боевых и транспортных операций, имела 1–2 мачты, 12–15 пар весел, до 4 пушек, могла перевозить до 70 человек; *скампавея* – небольшой гребной корабль русского Балтийского флота в Петровскую эпоху, уменьшенная копия венецианской галеры, предназначалась для абордажного боя в шхерах, разведки, перевозки войск и высадки десанта, имела 1–2 мачты с косыми парусами, 1–4 легких пушки, вмещала до 150 человек; *карбус* (*карбас*) – парусно-гребное беспалубное промысловое и транспортное судно русских поморов (при Петре I применялось и в ходе боевых действий на Балтийском море), длиной 10–20 метров, шириной 3–7,5 метра, имело 1–2 мачты, 3–10 пар весел, грузоподъемность до 12 тонн, могло перевозить до 70 человек; *флейт* – морское транспортное парусное голландское судно длиной до 30–40 метров, имело 3 мачты; *галера* – парусно-гребное судно, существовавшее во флотах почти всех европейских стран, экипажи достигали 450 человек и состояли большей частью из гребцов (по 5–9 человек на весло), гребцами были военнопленные, добровольцы-бедняки или осужденные преступники; *каторга* – турецкая галера, имела до 24–26 весел (по 4–6 гребцов на весло), 2 мачты, до 12 пушек, экипаж до 250 человек, в России строились с 1696 года.

неслучайно. В этом отразилось время написания статьи – рабочие забастовки с экономическими требованиями и усиление внимания правительства и общественности к разработке рабочего законодательства накануне революции 1905 года.

В активной работе на верфи прошло время с конца 1703 до весны 1704 года. С 3 по 16 марта здесь снова побывал Петр I. В мае были спущены на воду лоц-галиот и галера. Сложной проблемой в это время стала транспортировка готовых судов в Петербург. В. П. Мегорский излагает текст указа, определявшего порядок доставки пяти бригантин по Ладожскому озеру в Петербург в сентябре 1707 года. При этом переходе было две опасности: суда могли быть выброшены на берег или унесены к северному берегу Ладожского озера, находившемуся в руках шведов. Летом 1704 года были спущены пакетбот⁹¹, три галеры, четыре шнявы и четыре фрегата. В июле на верфи снова побывал Петр I. В сентябре была спущена шнява «Мункер», заложенная Петром I в 1703 году и достроенная Иваном Немцовым. 2 октября Петр I отбыл в Петербург. В ноябре 1704 года было заложено еще пять 18-пушечных шняв. В. П. Мегорский пишет, что «корабли хорошо строились и в начале следующего 1705 года». Во второй половине июля были спущены на воду несколько новых фрегатов, шняв и галер. Но тогда же на верфи начались остановки работ.

По мнению В. П. Мегорского, эти перебои были связаны с отвлечением, начиная с лета 1705 года, рабочих ресурсов на Петровские заводы: «Вскоре по указу весь Олонецкий завод перечислен к заводам, и до 600 плотников, кузнецов, столяров, токарей, печников, медников, смоловаров и иных мастеровых людей в августе 1705 года перешло на Петровские заводы. Притом и из приписанных городов рабочих на верфь поступало мало. В довершение затруднений в ноябре 1706 года от верфи были отписаны к тем же Петровским заводам еще Каргополь и Белоозеро». Но закладка новых кораблей все равно продолжалась. Указом от 10 декабря 1706 года на Лодейнопольскую верфь были переведены рабочие с Сясьской верфи.

После смерти в январе 1707 года И. Я. Яковлева заведование верфью перешло к комиссару И. А. Тормасову, который подчинялся вице-адмиралу К. И. Крюйсу и советнику Адмиралтейства А. В. Кикину. Главной проблемой верфи была нехватка рабочих рук. В. П. Мегорский писал: «По причине ли бегства, или по болезни, или по совокупности

⁹¹ *Пакетбот* – небольшое 2–3-мачтовое парусное, почтово-пассажирское судно, в России имело водоизмещение 200–400 тонн и было вооружено несколькими пушками.

обеих причин – только в октябре 1707 года на верфи не было ни одного рабочего человека: с Каргополя, Пошехонья и Белоозера не прислали, а кто имелся, то одни, дожив сроки, а другие, не дожив, разошлись по домам без отпусков. В зависимости от той же главной причины – обилия или недостатка рабочих – находилось кораблестроение на верфи и в 1708 году. Когда рабочих было достаточно, работы оживлялись, когда их не было верфь бездействовала».

Много места в статье уделяется изложению «Инструкции комиссару Торماسову для управления рабочими людьми на Олонецкой верфи», присланной А. В. Кикиным в июне 1709 года. В ней содержались распоряжения о нормировке рабочего дня. Так, за день прогула у мастеровых высчитывалось жалованья как за семь дней, а за час или больше – как за день работы. Продолжительность рабочего дня зависела от длины светлого времени: зимой 7 часов и 1 час на обед, летом 17 часов и 3 часа на обед и отдых, во время равноденствия 12 часов и 2 часа на обед и отдых. В. П. Мегорский писал о значении этой «Инструкции»: «Итак, только спустя шесть лет после основания верфи, признали необходимым определить более точно и время отдыха, и часы работы, и взыскания за проступки рабочего люда».

Но с 1709 года деятельность верфи стала быстро сокращаться. В 1710 и 1711 годах было спущено по одному кораблю, затем постройка новых кораблей прекратилась. В статье названы три причины упадка верфи: «1) с 1708 года в соседстве с Лодейнопольской верфью появляются и другие – в Новой Ладобе, Луге, Ижоре; 2) в 1712 году производится покупка кораблей в Англии; 3) в 1714 году в Олонецкий край является Геннин с совершенно другою задачею – улучшить горное производство». В. П. Мегорский отмечает, что в многочисленных письмах В. И. Геннина, «наполненных драгоценнейшими данными о положении горного дела и населения в Олонецком крае в его время», о Лодейнопольской верфи говорится «очень мало и между прочим».

Завершается работа общей оценкой кораблей, построенных на Лодейнопольской верфи для Балтийского флота: «Быстро созданный Балтийский флот имел много недостатков и весьма крупных. Лес, большею частью сырой, скоро подвергался гниению, почему суда были недолговечны. Судовые скрепления – слабы, отчего их скоро раскачивало и суда сильно текли. Орудия ставились небольших калибров, через что суда были слабы для боя, сравнительно с судами флотов других государств. Оснастка производилась нередко с отступлениями от ранга судов того наименования, к которому они принадлежали, и зависела нередко от произвола строивших их мастеров... Но, с другой стороны,

справедливость требует признать, что этот же самый флот, даже при своих несовершенствах, оказался отвечающим своему назначению и выполнил задачу, которая была ему задана. Прибрежье Балтийского моря осталось за русскими...»

Работу В. П. Мегорского «Лодейнопольская верфь в царствование Петра Великого» можно считать добросовестно и профессионально сделанной компиляцией. Автор учел основные публикации источников и исследований, в которых содержалась информация по этому вопросу, и создал интересную и полезную работу по истории верфи. Неслучайно эта статья В. П. Мегорского была опубликована и в ведомственном «Морском сборнике» и в ОГВ. Следует отметить, что статья о Лодейнопольской верфи написана в русле популярной в начале XX века либеральной концепции Петровских реформ, наиболее ярко выраженной в исследовании П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»⁹². Последователи этой концепции считали, что Петровские реформы были оплачены разрухой и разорением страны⁹³. Так, П. Н. Милюков писал: «Ценой разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы»⁹⁴. В своей работе В. П. Мегорский решал две задачи. Во-первых, он дал очерк развития Лодейнопольской верфи, включая предпосылки ее создания, этапы развития, объем выполненных работ, приезды на верфь Петра I и, наконец, причины упадка. Второй задачей было изучение того, как изменилось положение местного населения после возникновения верфи, и каким было положение согнанных на верфь работников. В связи с решением этой задачи В. П. Мегорский использовал фольклорные записи, сделанные краеведами Олонецкой губернии и опубликованные в ОГВ.

Эта статья В. П. Мегорского показала возросший уровень его профессионализма как историка. Ее можно считать научной работой, написанной с привлечением краеведческих материалов, но с учетом достижений историографии начала XX века.

⁹² Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 1-е изд. СПб., 1892. 736 с.; 2-е изд.: СПб., 1905. 678 с.

⁹³ См.: Баггер Х. Реформы Петра Великого : обзор исследований. М., 1985. С. 31.

⁹⁴ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. С. 536. В семейном архиве Б. В. Мегорского сохранился принадлежавший В. П. Мегорскому экземпляр этой работы П. Н. Милюкова, содержащий многочисленные пометы и закладки, свидетельствующие о тщательном изучении В. П. Мегорским этой монографии.

В настоящее время историки значительно расширили наши представления о деятельности Лодейнопольской верфи. Современная точка зрения на историю этой верфи изложена в книге П. А. Кротова «Российский флот на Балтике при Петре Великом»⁹⁵. Тем не менее очерк В. П. Мегорского представляет определенный интерес как с точки зрения имеющегося там фактического материала, как и для понимания того, как воспринимали Лодейнопольскую верфь историки и краеведы начала XX века.

Изучив первое большое предприятие, созданное при Петре I в Олонецком крае, – Лодейнопольскую верфь, В. П. Мегорский приступил к разработке истории Олонецких Петровских заводов и опубликовал по этой теме работу «Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом»⁹⁶.

Следуя своему правилу, он предварил статью списком литературы по этой теме. Там, помимо известных работ по истории Олонецкого края в Петровскую эпоху (письма В. И. Геннина, опубликованные В. Н. Берхом⁹⁷, документы по истории русского флота, изданные С. И. Елагиным⁹⁸), он указывает «Лекции» В. О. Ключевского⁹⁹. Это свидетельствует о том, что В. П. Мегорский понимал необходимость рассматривать историю горнозаводской деятельности в Олонецком крае в контексте истории России и с учетом новейших достижений историографии. Сюда же нужно отнести статью историка горного дела В. И. Рожкова «Горнозаводской промысел в Олонецком крае», опубликованную в «Горном журнале»¹⁰⁰ и перепечатанную в сокращении в ОГВ¹⁰¹.

Из всех этих работ В. П. Мегорский особо выделяет публикацию В. И. Рожкова и этому поводу делает особое примечание: «По вопросу о возникновении и развитии горнозаводского промысла в Олонецком крае наибольшей обстоятельностью отличается статья Рожкова,

⁹⁵ Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. 744 с.

⁹⁶ ОГВ. 1906. № 44, 46–48. Отдельное издание: Петрозаводск, 1905. 24 с.

⁹⁷ Горный журнал. Кн. 2. С. 123–172; Кн. 3. С. 101–143; Кн. 4. С. 93–132; Кн. 5. С. 107–149.

⁹⁸ Елагин С. И. Материалы для истории русского флота. Т. 1. СПб., 1865; Т. 3. СПб., 1866.

⁹⁹ Новейшее издание: Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. : в 9 т. Т. 1–5. М., 1987–1989.

¹⁰⁰ Рожков В. И. Горнозаводской промысел в Олонецком крае // Горный журнал. 1888. № 1. С. 290–318.

¹⁰¹ Рожков В. И. Горнозаводской промысел в Олонецком крае : ист. очерк // ОГВ. 1895. № 71, 72, 74, 75, 76, 77, 86, 87, 91.

основанная на документальных данных архива Горного департамента. Но так как некоторые источники остались в ней неиспользованными, то на них мы и останавливаем в предлагаемой работе предпочтительное внимание, ограничиваясь краткой передачей фактов, известных уже из упомянутой статьи Рожкова, к которой и отсылаем интересующихся подробностями».

Но основную часть списка занимают краеведческие сочинения Е. В. Барсова¹⁰², А. И. Иванова¹⁰³, В. Ф. Полякова¹⁰⁴ и П. Е. Холостова¹⁰⁵. Немного особняком в этой группе стоит работа известного геолога профессора Петербургского университета А. А. Иностранцева по геологии Повенецкого уезда¹⁰⁶. Преобладание краеведческих работ объясняется как плохой изученностью истории горного дела в общероссийской историографии, так и успехами краеведческого изучения Олонецкого края в пореформенный период.

Историю горнозаводского промысла в Олонецком крае В. П. Мегорский начинает с упоминания о железоделательном промысле, которыми занимались карелы Лопских погостов (Селецкого, Паданского и Линдозерского). В подтверждение этого он упоминает о развалинах старинных кузниц, которые «еще в 1850-х годах сохранялись по берегам Семчезера» и цитирует отрывок из поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия» с описанием плавки меди и железа. Начало же промышленной добычи металла В. П. Мегорский связывает с деятельностью новгородского купца Семена Гаврилова, который в 1660-х годах нашел в Заонежье самородную медь и в марте 1666 года получил разрешение на поиски руд при поддержке и помощи со стороны местных властей. Вскоре в Фоймогубской волости он построил небольшой завод, но из-за отсутствия поддержки властей и бездействия населения «дело шло не особенно успешно». В марте 1673 года крестьянам соседних погостов было предписано строить дорогу от рудоносной горы до завода,

¹⁰² Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в ОИДР. 1868. Кн. 1. Паг. 5. С. 19–222.

¹⁰³ Иванов А. И. О важности изучения Олонецкой губернии // ПКОГ на 1858 год. СПб., 1858. Паг. 3. С. 77–97; *Его же*. Петр Великий на Олонце // Там же. С. 98–114; *Его же*. Петр Великий и деятельность его на Олонце. Петрозаводск, 1873; Старинные акты // ПКОГ на 1864 год. Петрозаводск, 1864. Паг. 2. С. 157–172 (сообщил А. И. Иванов).

¹⁰⁴ Поляков В. Ф. Очерк Олонецких заводов в историческом, геогностическом и статистическом отношениях // ПКОГ на 1860 год. Петрозаводск, 1860. Паг. 2. С. 155–215.

¹⁰⁵ Холостов П. Е. Краткий исторический очерк горнозаводского дела в Олонецком крае. Петрозаводск, 1874.

¹⁰⁶ Иностранцев А. А. Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений. СПб., 1877.

но вскоре С. Гаврилов был вызван в Москву, а в его отсутствие завод закрылся.

Новую попытку предпринял иноземец Петр Марселис, владевший несколькими заводами около Тулы. В 1664 году он нашел руду в Олонецком уезде, получил грамоту на устройство заводов, но умер. Его сын, тоже Петр, отправил в Заонежье Герасима Транделя, медных дел мастера Лаврентия Нейдгардта и трех мастеровых и тоже умер в 1675 году. Его наследником стал Христиан, но по его «малолетству» ему был назначен опекуном Андрей Бутман, который и продолжил дело. В 1688 году датский король пожаловал А. Бутману дворянское сословие и новую фамилию Бутенант фон Розенбуш, под которой он и значился во всех документах. В 1690 году, после смерти бездетного Христиана, А. Бутенант стал полноправным владельцем Заонежских заводов и довел их количество до пяти. Но деятельность заводов сдерживалась враждебным отношением и местных властей, и крестьян, и Палеостровского монастыря. В 1684 году на заводы приезжали крестьяне Кижского погоста во главе со старостой Поповым «многолюдством, с бердышами и рогатинами» и причиняли «насильство и побои» мастеровым и рабочим людям.

О значении деятельности заводов А. Бутенанта В. П. Мегорский пишет: «Все заводы были железные. На двух из них в двух малых домнах выплавляли чугун и на трех молотовых ковали железо. Железо в пробе было “против прямого доброго шведского” и за море ходило вместо шведского доброго железа. Впоследствии вице-адмирал Крюйс возил его в дальние государства. Но производительность заводов была самая незначительная и поддерживалась, может быть, в сильной степени заказами на лесопильные мельницы, принадлежавшие Бутенанту же около Холмогор».

Подробное изложение истории заводов Бутенанта, вероятно, имело большое значение с точки зрения историографии Петровских реформ. В начале XX века под влиянием лекций В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова получила распространение точка зрения о наличии преемственности между реформами Петра и предшествовавшим столетием. Вероятно, В. П. Мегорский, разделявший эти взгляды, проиллюстрировал их примерами из истории горного дела в Олонецком крае.

В начале XVIII века заводы Бутенанта продолжали существовать и получили несколько больших военных заказов. В январе 1702 года вышел царский указ «вылить тотчас сто пушек чугунных самых добрых, без всяких изъянов, ядром по 12 фунтов, да по тысяче ядер ко всякой пушке и с Олонца поставить в Новгород не позже марта 1702 года».

В марте 1702 года вышел новый указ: для фрегатов, строившихся на Сяси, изготовить сто пушек, по двести ядер к каждой, 24 якоря и железа по образцам. Все закончилось тем, что в июле 1703 года заводы, «которые за Андреем Бутенантом были», со всеми строениями и крестьянами были отобраны в казну. Для управления заводами был прислан подполковник Сильвестр Незнамов.

История заводов А. Бутенанта в изложении В. П. Мегорского в общих чертах близка к представлениям позднейших историков¹⁰⁷. Можно отметить только две неточности. Андрей Бутенант умер в конце 1701 года, после чего заводы перешли в ведение его сына, тоже Андрея. А. Бутенант-старший действительно построил пять заводов, но к 1700 году существовали только четыре (Устьрецкий, Лижемский, Кедрозерский и Фоймогубский – два первых доменные и молотовые, а два последних только молотовые).

В начале XVIII века Петр I принял решение о постройке в Олонецком крае новых заводов. В. П. Мегорский пишет: «В то же время обратили внимание и на то, что “наше русское государство перед иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами преблагословенно есть”, которые “до настоящего времени без всякого прилежания исканы”, и приняли меры к тому, “чтобы Божие благоволение втуне под землей не оставалось”».

Пересказывая работу В. И. Рожкова, В. П. Мегорский пишет о создании Рудокопного приказа и о выходе в феврале 1702 года указа о направлении экспедиции рудознатцев «для прииску серебряных и медных руд в Заонежье»: «Во главе ее стоял пробирный мастер саксонец Иоанн Фридрих Блюэр. С ним были русские и саксонцы: дзорщик Патрушев, подьячий, плавильный мастер, пробирщик, штейгер, два переводчика и практиканты из русских. Экспедиция повела дело успешно, около Падмозера нашли руду, поставили завод и выплавили до ста пудов меди... В следующие годы разработка с перерывами продолжалась, но в 1707 году медный завод открыт в Кончезере... В результате работ экспедиции по северо-западным берегам Онежского озера... стали копать, кроме пяти прежних Бутенантовых, новые заводы – Алексеевский (близ устья реки Телекиной), Вичковский о двух горнах... на реке Вичке, Повенецкий, Кончезерский и Петровский».

¹⁰⁷ *Глаголева А. М.* Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 13–48; *Коваленко Г. М.* Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л., 1979.

Следует добавить, что, по данным А. П. Глаголевой, Вичковский завод не входил в состав Олонецких Петровских заводов, поскольку был основан только в 1766 году¹⁰⁸.

Бывшие заводы А. Бутенанта продолжали работать. На них готовили железо для якорей и кораблей, якоря весом по 30 и более пудов, а также отливали котлы, лопаты и заступы. Но, как сообщает В. П. Мегорский, «в ноябре 1705 года старые заводы велено оставлять, хотя о работах на Устьрецком упоминается еще в 1718 году». Данные А. П. Глаголевой совпадают с этим сообщением частично: первым (до 1707 года) был закрыт Фоймогубский завод, затем к 1710 году – Кедрозерский и Лижемский¹⁰⁹, а последним свою деятельность прекратил Устьрецкий завод, на котором даже в 1725 году еще числилось девять работников¹¹⁰.

В эти же годы начали выпуск продукции и новые заводы: «По удобству водного сообщения рекой Телекиной – озером Выг – рекой Выг – Шижней с Белым морем, железо, пушки и снаряды, изготовлявшиеся на Алексеевском заводе, шли для укрепления Архангельска. Военные припасы, пушки, якоря, ядра и т. п., изготовлявшиеся на прочих Олонецких заводах – Повенецком (где мастерские, слободы и иные строения достраивали высланные с Лодейнопольской верфи плотники еще в 1705 году)... Кончезерском и Петровском, отсылались в Петербург».

Как и в предыдущей статье, В. П. Мегорский много места уделяет срывам, простоям и другим недостаткам в работе Олонецких заводов. Он пишет, что деньги для заводов выделялись из средств Адмиралтейства через Лодейнопольскую верфь и коменданта И. Я. Яковлева. Но эти средства поступали нерегулярно и в 1703–1707 годах накопился долг на сумму 34 035 руб. На заводах часто происходили остановки из-за разлива весенних вод, сильных морозов, от которых «вымерзали реки». В 1714 году Повенецкий завод «полой водой великой разорило без остатку» и производство там было остановлено на все лето. Задержки происходили и из-за нехватки судов для перевозки руды и извести, которые приходили со Свири поздно, иногда только к осени. Кроме того, как отмечалось в статье, «иногда вдруг приходило требование “выслать рабочих с заводов на верфь”, а между тем там “и себе мало”». Многие рабочие, помимо этого, были в бегах. Итоги первого

¹⁰⁸ Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. С. 71, прим. 49.

¹⁰⁹ Там же. С. 146–147.

¹¹⁰ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 400.

десятилетия существования Олонецких заводов в статье подведены так: «Таким образом, при самом неблагоприятном стечении обстоятельств заводы, размытые водой, стояли без дела по недостатку руды и рабочих. И нет ничего удивительного, что заводское производство шло неаккуратно. Еще большим тормозом в заводском деле служила совершенная неопытность вице-коменданта Чоглокова».

В. П. Мегорский считал, что литье пушек на заводах происходило методом проб и ошибок и их качество было очень низким: «Словом, дело велось ощупью. Результаты ведения подобного способа работ были совсем не двусмысленны. Якоря и пушки – самые важные изделия тогдашней производительности, во многом оставляли желать лучшего». Вице-адмирал К. И. Крюйс жаловался коменданту И. Я. Яковлеву, что в мае 1705 года в устье Невы у шмака оторвались две лапы якоря, после чего шмак с казной в 10 тыс. руб. и разными припасами чуть не унесло к шведам. К. И. Крюйс писал: «Такое зело худое железо у нас на всех кораблях и всякие иные припасы ненадежны». Вице-адмирал имел возможность сравнивать железо Петровских заводов с железом заводов А. Бутенанта, действовавших в Олонецком крае до 1703 года. К. И. Крюйс удивлялся, что при А. Бутенанте железо было хорошим и сам вице-адмирал возил его на продажу за границу, а «ныне стало худо быть».

Также обстоит дело и с литьем пушек. В. П. Мегорский приводит данные, что из 301 отлитой пушки «с пробы разорвало 63», а еще оказалось «негодных 36». Отсюда делался вывод, что «никуда не годилось 33 % – треть всех пушек». В связи с этим в статье цитируется фраза из «Курса русской истории» В. О. Ключевского: «Петр отлился односторонне, но рельефно, вышел тяжелым и вместе вечно подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам – точь-в-точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки»¹¹¹. В. П. Мегорский добавляет, что к этой характеристике, сделанной «с присущим маститому профессору ученым остроумием», нужно добавить «отливки мастеров Чоглокова».

Начальному периоду в истории Олонецких горных заводов противопоставляется период управления В. И. Геннина, начавшийся в 1714 году. Сразу после приезда на заводы ему пришлось столкнуться с различными проблемами. В. П. Мегорский подробно описывает, как В. И. Геннин боролся с бегством крестьян, обеспечивал заводы хлебом, искал новые месторождения руд и увеличивал производительность заводов и повышал качество продукции. Успешному решению всех

¹¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 4. М., 1989. С. 26.

этих проблем способствовало умение В. И. Геннина ладить с начальством, а именно с Ф. М. Апраксиным, который всегда его поддерживал и откликался на его просьбы.

В очерке В. П. Мегорского имеется ценная информация об отдельных заводах и их начальниках. В частности, на Повенецком заводе, во главе которого стоял бывший сотрудник А. Бутенанта Герасим Традел, в 1715 году ежемесячно было занято около 300 человек, не считая возчиков руды. Там делали ядра, дробь, чугун на железо и тянули проволоку. На Кончезерском заводе, который «ведаль» Мартин Циммерман, «делали кованное перетяжное железо на якоря, оружие и доски, но, главным образом, добывали и плавил медь на разные мелкие подделки – эфесы и прочее». Там же была литейная фабрика с лабораторией, где предполагалось вести опытную плавку «для науки артиллерийских школьничков». Из заводов А. Бутенанта успешно действовал Устьрецкий, где в 1718 году делали «железо на якоря, оружие и прочие припасы».

В заслугу В. И. Геннину В. П. Мегорский ставит несколько деяний. Во-первых, приглашение на Олонецкие заводы иностранных специалистов. В 1719–1720 годах В. И. Геннин ездил за границу и привез оттуда 40–50 человек. Во-вторых, реконструкцию Петровского завода, где были построена новая плотина и установлено несколько новых вододействующих машин (для выделки белой жести, для сверления фузейных стволов без людей, для точения стволов, для выделки стали по золлингенскому образцу и водяной двигатель для мехов при якорной мастерской). Кроме того, В. И. Геннин уделял много внимания обучению отечественных специалистов. В апреле 1716 года по его просьбе из Москвы на Петровский завод прислали 12 школьничков из «нижних чинов», которые были определены «к заводским делам». Из 20 бедных дворянских детей была создана школа, где пленный шведский поручик преподавал арифметику, геометрию, рисование, артиллерийское и инженерное дело.

Результатом этих усилий стало улучшение качества заводской продукции. В очерке приведены сведения из писем В. И. Геннина Ф. М. Апраксину о том, что в 1714–1717 годах на Олонецких заводах было отлито 825 пушек, из них «с пробы разорвало 55» и негодными оказалось еще 10. Сравнивая эти данные со сведениями об отливке пушек в первое десятилетие существования заводов, В. П. Мегорский делает вывод: «...при Геннине качество металла улучшилось в три раза и способы производства более чем в 10». Впрочем, неудачи случались и в это время. Уже при В. И. Геннине на одном из кораблей переломился

якорь олонецкого литья и было приказано «сыскать того мастера, для чего так худо делают».

После успешного завершения Северной войны в 1721 году Олонецкие Петровские заводы пришли в упадок. О причинах этого В. П. Мегорский писал: «...пока вели войну со шведами... дороговизна изделий и порой материальные убытки окупались выгодами государственного значения. Но с заключением в 1721 году Ништадтского мира... деятельность заводов обрекается на замирание». В 1722 году В. И. Геннин, «душа горного дела в Олонецком крае», был переведен на Урал. Для В. П. Мегорского В.И. Геннин был излюбленным персонажем, поскольку он «всецело усвоил себе... интересы второй родины и оказался ревностным и нелицемерным слугою государю и новому отечеству».

Очерк В. П. Мегорского «Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом» во многом имела такую же направленность и такой же характер изложения материала, что и его предшествующие работы по истории Олонецкого края в Петровскую эпоху. Он носит компилятивный характер, так как ко времени его написания горнозаводская краеведческая традиция насчитывала уже более ста лет¹¹². Во второй половине XX века появилось несколько новых исследований истории горнодобывающей и металлургической промышленности Карелии, которые дают современное представление об этой проблеме¹¹³.

Продолжением темы истории Петровских горных заводов стала еще одна публикация В. П. Мегорского «Дело архива Горного департамента за № 1317/634 (из дел Берг-коллегии 1721 года)»¹¹⁴. В этой публикации помещены выдержки из обнаруженной в архиве Горного департамента рукописи «Ведомости о сибирских и олонецких казенных и партикулярных серебряных, медных и железных заводах, когда оные заведены и по каким указам, и сколько в котором году какого строения заведено и построено». Начинается публикация археографическим описанием рукописи: «Все “дело” представляет рукописную книгу в 1418 стр., толщиной в три, примерно, псалтири, переплетенных в один корешок. Сведения об Олонецких заводах помещены с 1064 по 1307 стр. По листам внизу скрепа “с подлинным читал канцелярист Борис Иванов”».

¹¹² См.: Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск, 2007. 304 с.

¹¹³ Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии; Глаголева А. П. Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII века.

¹¹⁴ ОГВ. 1906. № 125, 131 (от 23 нояб. и 9 дек.).

На рубеже 1719–1720 годов Берг- и Мануфактур-коллегия стали собирать сведения о состоянии металлургических заводов России. Сведения об Олонецких заводах были запрошены у Адмиралтейской канцелярии. Оттуда потребовали прислать в Петербург «гор рубителя Свефендора, плавильного дела мастера Вульф Мартина Циммермана, и всяких руд по пяти фунтов, и ведомости о железных, и медных, и прочих заводах, и о мастеровых людях по реестру». Для контроля за сбором необходимых сведений и материалов был прислан сержант адмиралтейской роты Петр Загородников. Все затребованное было отправлено в Петербург 26 января 1720 года. Об уровне ответственности говорит тот факт, что ведомость о заводах предназначалась для генерал-адмирала Ф. М. Апраксина.

В. П. Мегорский привел перечень вопросов из реестра: «А по реестру... о железных Петровских, Повенецких, Устьрецких, медных Кончезерских заводах, на каких землях оные построены и в каких годах, и по каким указам... и на оных заводах кто есть правители, и приказные, и мастеровые, иноземцы и русские, и работные, и всякие люди по имянном...» и т. д. Наибольший интерес в ведомостях представляют сведения об обстоятельствах основания Петровского завода: «По ведомости Петровских заводов цейхвахтера¹¹⁵ Дютла Калька: В прошлом 1703-м году по указу великого государя и по приказу светлейшего... князя А. Д. Меншикова... Построены Петровские заводы на реке Лососинке имянуемой, которая падает... в Онега озеро, на земле Шуйского погоста крестьян... а от Онега озера в самой близости...»

В ведомости подробно перечислены важнейшие производственные помещения, сооружения, оборудование и механизмы Петровского завода: «Четыре домны, или плавильные печи каменные, из которых льют пушки, и бомбы, и ядра, и прочее, и выпускают чугуна на кованое железо... 1 плотина лососинская, 1 плотина машезерская... 1 молотовая, в ней 3 молота... 1 пильная мельница, в ней трою рамы, которыми лес пилят, 1 хлебная мельница, в ней жернова, да при оных мельницах плотина... 1 проволочная мазанка, в ней 8 рам, чем проволоку тянут... 1 машина, в которой пушки сверлят, и точат, и головы пушечные обтирают, 1 машина мазанка, в которой пушки сверлят, и точат, а наверху шпаги и багинеты точат и палерят, 1 машина мазанка, в которой железо режут на тянутье проволоки» и т. д. Также подробно перечислены все заводские строения (амбары, мазанки, кузницы, избы и т. д.). В ведомости подробно описан производственный процесс («из руды выйдет

¹¹⁵ *Цейхвахтер* – должностное лицо, заведующее оружейными складами и цейхгаузами.

чистого чугуна из 100 пудов – 30 пуд», «кованого железа из чугуна из 20 пуд выйдет 13 пуд» и т. д.), система набора приписных крестьян («а ныне при содержании Петровских заводов определено по 619 человек, и работают переменяясь помесечно, своими припасами бездежно»), состояние сырьевой базы и т. д.

С этой публикации начинается новый этап в деятельности В. П. Мегорского по изучению истории Петровских заводов. Он приступает к поиску и публикации архивных источников. В напечатанной им «Ведомости о Петровских заводах», составленной в январе 1720 года, дается подробное описание состояния заводов в тот период, перечислены главнейшие иностранные специалисты, указано, что Петровский завод возник в 1703 году по приказу А. Д. Меншикова.

Продолжением источниковедческой разработки истории Олонечких заводов стала новая работа В. П. Мегорского «Предание об основании Петрозаводска»¹¹⁶. На этот раз его внимание было обращено к анализу содержания старейшего краеведческого сочинения по истории Петрозаводска – работе Т. В. Баландина «Петрозаводские северные вечерние беседы». Не имея биографических источников и источников личного происхождения Т. В. Баландина, В. П. Мегорский попытался изложить биографию этого краеведа и просветителя только на основе сведений из его опубликованных работ¹¹⁷. Эта попытка не удалась, биография старейшего петрозаводского краеведа была изложена неполно и не всегда верно¹¹⁸.

Лишь одно замечание В. П. Мегорского о сочинениях Т. В. Баландина заслуживает внимания: «...Баландин в 1818 году вновь пересмотрел и, как он говорит, исправил свои записки, о чем нельзя не пожалеть, так как в это, вероятно, время им придана, нередко в ущерб ясности смысла и исторической правде, витиеватость изложения и сентиментально-идиллическая окраска в духе Карамзина». Это, безусловно,

¹¹⁶ ОГВ. 1907. № 65, 69, 72, 73, 77. Перепечатано: ПКОГ на 1908 год. Петрозаводск, 1908. С. 277–288.

¹¹⁷ Баландин Т. В. Петрозаводские северные вечерние беседы // ОГВ. 1866. № 6, 13, 20, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 35–43, 46; 1867. № 5–9. Отд. отт.: Петрозаводск, 1867; Фаддей (Успенский). Жизнеописание блаженного Фаддея по рукописи // ОЕВ. 1904. № 13–15.

¹¹⁸ Баландин Тихон Васильевич (ок. 1748–1830) – выдающийся краевед и просветитель, автор первого краеведческого сочинения по истории Петрозаводска – «Петрозаводские северные вечерние беседы» (1814). Подробнее о нем см.: Пашков А. М., Пигин А. В. Предисловие // Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 3–34. Новейшую публикацию его литературного и краеведческого наследия см.: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб., 2016. 384 с.

верное замечание ценно еще и тем, что В. П. Мегорский подметил влияние сентиментализма на сочинения Т. В. Баландина, сближая их с прозой начала XIX века. Отметим он, со ссылкой на поэму Ф. Н. Глинки «Карелия»¹¹⁹, и факт знакомства ссыльного поэта с Т. В. Баландиным.

Вызывает большой интерес и попытка выявить источники основного сочинения Т. В. Баландина под названием «Петрозаводские северные вечерние беседы». В. П. Мегорский выявил три группы таких источников: 1) «читанные по сей материи истории», 2) памятники Петровской эпохи – завод, крепость и прочие сооружения в развалинах и 3) «сказания старцев». К «историям» относились «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова и различные архивные документы, найденные Т. В. Баландиным. Далее В. П. Мегорский отмечает, что на основе изучения памятников Петровской эпохи Т. В. Баландин создал первый план Петровских заводов: «По обилию чертежей (заводские корпуса, плотины, вал, батареи, ворота, дорожки и пр.), полноте обстоятельных примечаний (на плане и особенно в тексте записок), наконец, по точности масштаба этот план нельзя не признать во всех отношениях первым, тем более что он превосходно вычерчен и напечатан».

Особое значение В. П. Мегорский придавал использованию в сочинении Т. В. Баландина рассказов «повествующих старцев», то есть «современников-очевидцев, на глазах которых произошла закладка Петровского завода и протекли первые годы его существования». Эти рассказы были очень ценным источником по наименее известному периоду – первым годам существования Петровских заводов. В. П. Мегорский упрекает Т. В. Баландина в недооценке этого источника: «Но, к крайнему сожалению, этого элемента в записках Баландина очень немного и появление его там носит случайный и точно бы нечаянный характер... Не догадавшись использовать должным образом единственный в своем роде источник и допустив таким образом ошибку, которая никогда уже не может быть исправлена, автор сделал еще другую, в иных случаях тоже непоправимую: не удовлетворяясь данными своих источников, Баландин почти всегда развивает их, дополняя сентиментально-идиллическими подробностями в духе Карамзина, не имеющими ни малейшего соответствия с действительностью, что особенно заметно при описании быта первых поселенцев Петрозаводска, и передает в виде разговоров разных действующих лиц, записанных якобы со слов старцев, притом отводя им первое место в тексте, материалу же несомненно исторического характера – второстепенное в подстрочных примечаниях». В результате

¹¹⁹ Глинка Ф. Н. Карелия. СПб., 1830.

этого, по мнению В. П. Мегорского, образовалась смесь «былей и небылиц», из которой трудно, а иногда и невозможно выделить «фактическую сторону».

В статье сделана попытка проанализировать наиболее ценную часть «Бесед» – предание об основании Петрозаводска. В нем говорится, что в Олонецком уезде прошел рекрутский набор, но часть рекрут бежала и скрывалась в глухих и труднодоступных местах. «Для скорейшего сыску, поимки и приводу отлучившихся из полков и команд рекрут и солдат» в Олонецкий уезд был отправлен отряд солдат во главе с неким «гвардии чиновником». Этот отряд, «следуя от селения до селения проселочными тропинками, лежащими между дремучими лесами», достиг устья реки Лососинки. Тогда там было пустынное место, только в самом устье стояла «вододействуемая мукомольная крестьянская мельница», где крестьяне соседних деревень мололи зерно. Там же на самом берегу озера стояла рыбацья хижина, где летом ночевали рыбаки. По просьбе чиновника «случившиеся тогда мельник и рыболовы» провели его вверх по течению Лососинки до Машезерского озера, где он посетил Машезерский монастырь. В ходе бесед и поездки по Лососинке он понял, что эта территория имеет большие запасы железной руды, хорошую энергетическую базу в виде бурной и полноводной Лососинки, богатые запасы лесов и удобный путь для вывоза готовой продукции по Онежскому озеру. Вскоре было готово донесение Петру I о возможности постройки в устье Лососинки «вододействуемых заводов».

После получения этого донесения Петр I отправил «патриота» (так Т. В. Баландин стал называть этого «военно-гражданского чиновника») обратно, но уже с партией горных чиновников, которые должны были осмотреть «местоположение течения реки Лососинки, залива Онега озера с подробнейшим всего того описанием» и определить запасы леса для заводского производства. Эта экспедиция изучила реку Лососинку до озер Лососинного и Машезера, затем, вернувшись к устью Лососинки, наметила «положение будущего завода, плотин, пристани и прочих сооружений». Затем экспедиция вернулась в Москву и представила Петру I снятые планы и образцы руд. После этого царь приказал приступить к постройке завода. Так рассказывали об основании Петрозаводска древние старцы.

В. П. Мегорский подверг это предание проверке на основе сведений из статьи историка горного дела В. И. Рожкова «Горнозаводской промышленности в Олонецком крае»¹²⁰. Там сказано, что по указу Петра I от 9 фев-

¹²⁰ Горный журнал. 1888. № 1. С. 290–318 (перепечатано в сокр.: ОГВ. 1895. № 11, 72, 74, 77, 86, 87, 91).

раля 1702 года «для происку серебряных и медных руд в Заонежье» была отправлена партия рудознатцев во главе с дозорщиком Иваном Патрушевым, подьячим Иваном Головачевым, пробирным мастером Иоганном Блюэром и плавильным мастером Вульфом Мартыном Циммерманом. Завод на реке Лососинке был основан по указу бомбардир-поручика А. Д. Меншикова в августе 1703 года. В. И. Рожков пишет: «По известиям позднейшего времени, на эту местность указал Меншикову иноземец И. Блюэр... По тем же позднейшим известиям был прислан из Москвы доморощенный рудознатец Яков Власов, пожалованный по испытанию... званием мастера заводского дела... Он и строил Петровский завод». В книге другого историка горного дела А. М. Лоранского также упомянут рудокопный офицер Иоганн Фридрих Блюэр, приехавший из Саксонии в 1699 году в качестве пробирного мастера, который производил поиски руд в разных местах России и «своими неутомимыми трудами много способствовал возникновению горного промысла в Олонецком крае, на Урале и Сибири»¹²¹.

На основе этих данных В. П. Мегорский предположил, что военно-гражданский чиновник из предания Т. В. Баландина – это «рудокопный офицер» И. Ф. Блюэр, а вторая экспедиция – это обследование окрестностей Я. Власовым. Таким образом, предание об основании Петрозаводска достоверно, поскольку основано на реальных фактах. Экспедиция И. Блюэра состоялась летом 1702 года. Рудознатцы выдавали себя за отряд по поиску беглых рекрутов и солдат, поскольку отношение крестьян к созданию новых заводов было крайне негативным. Экспедиция Я. Власова действовала в июле 1703 года. Она должна была выяснить: «довольно ли будет лесов на заводское производство угля и дров». В. П. Мегорский пытается установить и дату закладки завода, опираясь на упоминавшуюся выше дату отъезда А. Д. Меншикова «на заводы» 29 августа 1703 года, взятую из походного журнала Петра I: «...закладка состоялась или в присутствии Меншикова в первых числах сентября 1703 года, или, если верить некоторым позднейшим сообщениям, 29 августа, дата, против которой в сущности иметь ничего нельзя».

Работа В. П. Мегорского «Предание об основании Петрозаводска» представляет большой интерес с двух точек зрения. Во-первых, это была серьезная попытка реконструировать на основе научных данных начала XX века историю основания Петрозаводска в 1703 году. Выводы В. П. Мегорского не опровергнуты до настоящего времени. Во-вторых, эта работа представляет собой хороший образец краеведческой

¹²¹ Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России в 1700–1900 годах. СПб., 1900. С. 7.

историографии и источниковедения, поскольку основана на анализе старейшего краеведческого сочинения, посвященного Петрозаводску, – «Бесед» Т. В. Баландина, и доказывает достоверность содержащихся там сведений.

В отличие от других работ В. П. Мегорского, этот очерк посвящен анализу старейшей краеведческой работы об истории основания и первых лет существования Петрозаводска – сочинения Т. В. Баландина «Петрозаводские северные вечерние беседы». Он выдвинул оригинальную теорию, которая позволила соединить легенду об основании Петрозаводска (офицер, посланный для поиска беглых рекрутов, обнаружил в устье Лососинки все условия для создания там металлургического завода, доложил об этом Петру I и пр.) и информацией об экспедициях И. Блюэра и Я. Власова, почерпнутой из статьи горнозаводского историка В. И. Рожкова «Горнозаводской промысел в Олонецком крае».

Со времени появления этой статьи В. П. Мегорского личность Т. В. Баландина и его краеведческая деятельность стала предметом научного изучения как историками, так и филологами, результатом которого стало издание всех найденных к настоящему времени рукописей Т. В. Баландина¹²².

В. П. Мегорский был человеком большой общественной активности. Помимо основной службы и научных исследований по изучению Олонецкого края в Петровскую эпоху, он стал одним из учредителей созданного в апреле 1908 года в Петербурге «Общества олончан», объединившего сразу около 300 выходцев из Олонецкой губернии. В него вошли «лица духовные, торгующие, преподаватели, чиновники и ремесленники». Вклад В. П. Мегорского состоял в том, что он вместе с К. Н. Плотниковым¹²³ составил проект устава «Общества олончан». К. Н. Плотников вспоминал, что «около двух месяцев Василий Петрович ходил в Императорскую публичную библиотеку, выбирал подходящий материал из уставов других обществ». В феврале 1908 года устав был отправлен на утверждение петербургскому градоначаль-

¹²² Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / сост. и отв. ред. А. В. Пигин.

¹²³ Плотников Константин Николаевич (1862–?) – выпускник ОДС, в 1886 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, в 1886–1899 годах – преподаватель ОДС, в 1901 году переселился в Петербург, с 1903 года служил в Государственном контроле (с 1909 года – старший ревизор), с мая 1908 года – товарищ (заместитель) председателя Общества олончан в Санкт-Петербурге (Сорокин В. У. Исповедник : церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 649).

нику и 18 марта «Общество олончан» было внесено в реестр обществ Петербурга. На первом собрании общества В. П. Мегорский был избран одним из членов правления и секретарем¹²⁴.

Кроме того, не прекращая службы в Государственном контроле, В. П. Мегорский в 1908–1918 годах был преподавателем истории в 13-й петербургской гимназии. В эти же годы он принимал активное участие в деятельности Общества ревнителей истории, объединившего выпускников Петербургского археологического института, выступая на его заседаниях с докладами «об историческом прошлом Олонецкого края». В 1915 году в сборнике этого общества была опубликована его статья «Олонецкие марциальные воды при Петре Великом»¹²⁵.

Писать о Марциальных Водах в начале XX века было довольно просто, поскольку в XIX веке об этом петровском курорте уже было опубликовано несколько важных документов¹²⁶ и создано несколько больших работ – архиепископа Игнатия¹²⁷, И. К. Чудинова¹²⁸, Н. Самойлова¹²⁹, А. И. Иванова¹³⁰, Е. М. Прилежаева¹³¹ и других авторов¹³².

¹²⁴ Мегорский В. П. Открытие общества олончан в Петербурге. Петрозаводск, 1908. 10 с. (Отд. отт. из: ОГВ. 1908. № 55 от 22 мая.)

¹²⁵ Вестник общества ревнителей истории. Вып. 2. Пг., 1915. С. 119–126.

¹²⁶ Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–168; Кн. 2. С. 113–172; Кн. 3. С. 89–143; Кн. 4. С. 85–132; Кн. 5. С. 87–149; Кн. 6. С. 85–108; 1828. Кн. 2. С. 115–117; Льготная грамота, данная императором Петром Великим молотовому мастеровому Рябоеву за открытие марциальных вод, 22 марта 1720 года // Олонецкий сб. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 38–39.

¹²⁷ Игнатий (Семенов). Воспоминания о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. СПб., 1849. С. 51–71.

¹²⁸ Чудинов И. К. Олонецкие марциальные воды // ПКОГ на 1858 год. СПб., 1858. С. 130–157.

¹²⁹ Самойлов Н. Петр Великий на Марциальных водах. СПб., 1852.

¹³⁰ Иванов А. И. Высочайшее путешествие государя императора Александра Николаевича по Олонецкой губернии в июне 1858 года // ПКОГ на 1860 год. Петрозаводск, 1860. С. 129–136 (раздел «Путешествие к Марциальным водам и на Кивач»); *Его же*. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце. Петрозаводск, 1873.

¹³¹ Прилежаев Е. М. Петр Великий на Марциальных олонцких водах // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 202–206.

¹³² Армстронг Р. А. Записка о Кончезерских марциальных водах // Игнатий (Семенов). Воспоминания о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. С. 118–121; Химическое разложение марциальных кончезерских вод и воды из «Соляной ямы» на реке Свири // Олонецкий сб. Вып. 1. Петрозаводск, 1876. Отд. 2. С. 23–24; Азанчеев Ю. Поездка на Марциальные воды, предпринятая 25 июля 1891 года олонцким губернатором // ОГВ. 1891. № 66, 67; Обельные крестьяне и обельные вотчинники в Олонецкой губернии // Олонецкий сб. Вып. 3. С. 12–13 (Обельные крестьяне Рябоевы); и другие работы.

Кроме того, эта тема затрагивалась и в ряде общих работ по истории Петровской эпохи. Трудно было найти в этом явлении что-то новое. Но В. П. Мегорский, опираясь на хорошее знание опубликованных источников и историографии, сумел изложить свою концепцию истории возникновения, развития и закрытия курорта Марциальные Воды. Он считал, что открытие источников целебных вод в окрестностях Кончезерского завода молотовым работником Иваном Рябоевым было сразу же подхвачено горным начальником В. И. Генниным из желания последнего выслужиться перед царем, поскольку Петр I хотел иметь целебный источник поблизости от Петербурга. Присланные для освидетельствования источника доктора Л. Л. Блюментрост и А. Равелин, чтобы не огорчать царя, доложили, что лечению водами поддавались многие болезни «грудные и желудочные, специально женские и даже психические». Обрадованный Петр I в мае 1719 года издал указ об открытии вод, сразу стал ездить туда на лечение, вслед за ним потянулись многие придворные, и курорт стал модным, привлекавшим множество людей. Вскоре после этого «в самое непродолжительное время лесистое место у Рав-болота превратилось в многолюдный курорт с церковью, сохранившейся и поныне¹³³, тремя дворцами, от которых теперь нет и следа, и помещениями для личного состава и приезжих, в настоящее время также не существующими».

В статье В. П. Мегорского подробно рассказывается о порядке лечения водами, образе жизни и развлечениях отдохнувших, их снабжению продовольствием. Но автор считал, что лечение водами не приносило большинству людей никакой пользы и по этому поводу «очень скоро начался ропот». В ответ на это недовольство Петр I издал в мае 1720 года новый указ, в котором отсутствие пользы от марциальных вод объяснил несоблюдением докторских правил. Но разочарование в курорте продолжалось, и после смерти Петра I он сразу был закрыт. Причину открытия курорта В. П. Мегорский видел в том, что доктора, желая угодить царю, приписали водам лечение таких болезней, от которых они реально никак не помогали. Он предположил, что реальная польза от марциальной воды была только для больных желудочно-кишечными заболеваниями. В связи с этим В. П. Мегорский даже ставит под сомнение ту пользу для здоровья, которую получал от пребывания на курорте сам Петр I: «Трудно решить, от чего зависела эта польза – от воды или от пребывания на отдыхе в местности, отличающейся прекрасным воздухом». О закрытии курорта он писал: «...пока

¹³³ Марциальноводская Петропавловская церковь существует до сих пор.

жив был Петр Великий, курорт процветал, держась грозной поддержкой государя. С кончиною же его оживление на курорте замирает, число посетителей уменьшается, а потом они и вовсе перестают сюда ездить. Та же самая Екатерина, которая почти всякий раз приезжала с Петром и даже чаще его, после его кончины уже ни разу не заглянула сюда. Так же поступила и аристократия: мода на воды прошла, и слава померкла». Но В. П. Мегорский все-таки видел пользу от этого курорта, «даже если вовсе отказать в целебности источнику», в том, что, пока он существовал, «при водах была организована по последнему слову тогдашней науки правильная медицинская помощь для населения в районе, радиус которого теперь трудно даже определить».

Интересно, что для выяснения лечебных свойств марциальной воды В. П. Мегорский брал консультации у врачей – М. А. Меньшикова¹³⁴ из Шуньгской земской больницы, И. М. Рясенцева (1852–1911) из Петрозаводской губернской земской больницы и Г. Е. Шумкова из Новознаменской больницы-колонии для душевнобольных в Петергофском уезде Петербургской губернии – и выразил им благодарность в своей статье за то, что они «с полной готовностью оказывали автору ценное содействие своими указаниями медицинского характера».

Современные медики считают, что «марциальные воды увеличивают сопротивляемость организма инфекциям, влияют на секрецию пищеварительных органов, улучшают аппетит, положительно сказываются на составе крови, повышая содержание гемоглобина, способствуют общему укреплению организма, с лечебной целью эти воды могут широко применяться при некоторых заболеваниях крови, желудка, печени, почек и при болезнях обмена веществ»¹³⁵. С февраля 1964 года на месте петровского курорта был открыт и до настоящего времени существует санаторий «Марциальные воды».

Можно предположить, что и в этой своей работе В. П. Мегорский снова оказался под влиянием упоминавшейся выше концепции П. Н. Милюкова, в соответствии с которой Петровские реформы рассматривались как непрерывная цепь просчетов и ошибок¹³⁶. Накануне 1917 года В. П. Мегорский испытывал сильное воздействие либеральных взглядов на Петровскую эпоху, обусловленного либеральным общественным сознанием своего времени, негативно определявшим роль монархии в истории страны, в том числе роль и деятельность Петра I.

¹³⁴ Митрофан Александрович Меньшиков был родственником В. П. Мегорского, мужем его сестры Ульяны Петровны.

¹³⁵ *Верхоглядов В. Н.* Марциальные воды. Петрозаводск, 1989. С. 10.

¹³⁶ *Баггер Х.* Реформы Петра Великого : обзор исследований. М., 1985. С. 31.

Октябрьская революция 1917 года полностью изменила жизнь В. П. Мегорского. Он продолжал работать на своем месте и в июне 1918 года даже стал старшим контролером Государственного контроля железных дорог и переехал в Москву. Еще в декабре 1917 года он отправил жену с сыном в Челябинск, где его брат П. П. Мегорский заведовал отделом народного образования при Городском общественном самоуправлении. Начавшаяся Гражданская война прервала связь с Уралом и Сибирью, и только в августе 1919 года В. П. Мегорский смог уехать к семье в Челябинск. Там с сентября 1919 года он начинает работать школьным учителем. В 1920 году во время заготовки дров для школы В. П. Мегорский надорвал почку и был отправлен для лечения в Петроград, где ему сделали операцию. В 1921–1931 годах он работал учителем в школе им. К. Маркса I и II ступени на станции Сиверская под Петроградом. В 1925 году в связи с реорганизацией переведен в Сиверскую школу-колонию I и II ступени и в 1931 году по болезни вышел на пенсию.

В годы нэпа происходит активизация краеведческого движения, и В. П. Мегорский возобновляет работу по изучению истории Карелии. По представлению Совнаркома Карелии он получил возможность брать на дом необходимую литературу из библиотеки Академии наук СССР. Как признание его заслуг можно рассматривать прием В. П. Мегорского в 1923 году в группу историков секции научных работников. В 1925 году он посетил Карелию, а в 1928 году получил приглашение Совнаркома Карелии выступить с несколькими докладами по истории края на юбилейных торжествах, посвященных 10-летию Карельской трудовой коммуны, но по состоянию здоровья приехать не смог.

В ноябре 1928 года В. П. Мегорский представил в секцию научных работников статью «Олонецкий край как пограничная область при Петре Великом», а летом 1930 года – статью «Петрозаводск в первые годы существования», но они опубликованы не были. Осенью 1931 года в связи с ухудшением состояния здоровья В. П. Мегорский получил инвалидность. С 1921 по 1933 год он перенес 13 операций. В 1930-е годы, будучи прикованным к постели, исследователь продолжает подготовку работ по истории Петрозаводска и Олонецкого края в Петровскую эпоху. К марту 1938 года он закончил большую работу «Петрозаводск при Петре I». Летом 1938 года В. П. Мегорский с семьей совершил путешествие по Беломоро-Балтийскому каналу. В имеющихся источниках нет сведений о том, как краевед оценивал реалии советской жизни 1930-х годов – «дело краеведов», коллективизацию, репрессии и т. д.,

но можно наверняка утверждать, что ощущение страха и незащитности во многом повлияло на ухудшение состояния его здоровья в тот период. О чем думал старый краевед, глядя на вырубленный в карельских скалах канал имени Сталина, и кого он вспоминал, мы не узнаем достоверно никогда.

Другим следствием давления эпохи стала переработка его старых трудов в духе времени. Так, летом 1938 года В. П. Мегорский переработал свою статью «Олонецкий край как пограничная область при Петре I». В новом варианте статьи он «сопоставлял исторический опыт прошлого с текущими событиями современной международной жизни». Судьба этой статьи неизвестна. В 1939 году «ко дню Военно-Морского флота» он написал для армейской газеты статью «Морской подвиг русских пехотинцев», посвященную эпизоду Северной войны – борьбе со шведами за Выборг в 1706 году.

В 1938 году вышла книга С. М. Левидовой «История Онежского завода»¹³⁷. В. П. Мегорский написал на нее обстоятельную рецензию, отметив как ее «богатое содержание», так и «имеющиеся недостатки». Рецензия была им закончена за несколько часов до смерти и стала его последней, посмертной работой. 18 декабря 1940 года В. П. Мегорский умер в Ленинграде. После него осталась хранящиеся ныне в Научном архиве Карельского научного центра РАН рукописи «Олонецкий край как пограничная область» (1928)¹³⁸, «Кончезерский завод» (1938)¹³⁹ и «Петрозаводск при Петре I» (1938)¹⁴⁰.

Наиболее ценной работой В. П. Мегорского, хранящейся в Научном архиве КарНЦ РАН, является его неопубликованная рукопись «Петрозаводск при Петре I». В конце текста этой работы имеется дата «3 марта 1938 года», но в тексте содержатся многочисленные сноски на пересказ статей из газет «Ленинградская правда» (от 27 декабря 1934 года, 11 января и 15 марта 1937 года), «Московская правда» (от 22 марта 1938 года), «Известия» (от 1 и 21 апреля 1938 года), «Смена» (от 15 апреля 1938 года). Кроме того, на с. 121 есть слова «православное Зарецкое кладбище еще в настоящее время (1936 г.)». Таким образом,

¹³⁷ Левидова С. М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. Петрозаводск : 1 тип. Гизлегпрома, 1938.

¹³⁸ Мегорский В. П. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом // Науч. архив КарНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–6.

¹³⁹ Мегорский В. П. Кончезерский завод // Науч. архив КарНЦ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–12 об.

¹⁴⁰ Мегорский В. П. Петрозаводск при Петре Великом // Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–128. Другой экземпляр этой работы хранится в личном архиве правнука В. П. Мегорского и одного из авторов данной статьи – Б. В. Мегорского.

можно считать, что работа В. П. Мегорского над рукописью происходила с 1920-х годов и была завершена к апрелю 1938 года.

Это было время, когда в стране в определенной мере произошла реабилитация Петра I, начавшаяся с высказывания И. В. Сталина в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 года: «Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»¹⁴¹.

В 1929 году писатель А. Н. Толстой начал работу над романом «Петр Первый». Первые две книги романа были написаны с февраля 1929 года по апрель 1934 года и в 1934 году опубликованы в журнале «Новый мир».

В 1933 году А. Н. Толстой начал работу над сценарием фильма «Петр Первый». Этот двухсерийный художественный фильм был поставлен режиссером и соавтором сценария В. М. Петровым на киностудии «Ленфильм» и вышел в 1937–1938 годах. Роль Петра I сыграл Н. К. Симонов, в его исполнении царь был вполне симпатичным персонажем. Фильм, вероятно, получил одобрение И. В. Сталина. В 1938 году Н. К. Симонов был награжден орденом Ленина, в 1939 году стал народным артистом РСФСР, а в 1941 году фильм «Петр Первый» получил Сталинскую премию I степени. Ее лауреатами стали режиссер и соавтор сценария фильма В. М. Петров, исполнитель роли А. Д. Меншикова артист М. И. Жаров и Н. К. Симонов.

В 1937 году под редакцией В. И. Лебедева в серии «Документы и материалы по истории СССР» тиражом 20 тыс. экземпляров вышел сборник документов «Реформы Петра I»¹⁴², содержащий, помимо текста документов, список «Главнейшая литература по преобразованиям Петра I»¹⁴³.

Рукопись работы «Петрозаводск при Петре I» состоит из пяти глав, приложения и списка источников и литературы.

Первая глава «Предварительные замечания» посвящена предыстории основания Петрозаводска, в частности экспедиции Иоанна Блюэра,

¹⁴¹ Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 104–105.

¹⁴² Реформы Петра I : сб. док. / сост. В. И. Лебедев. М., 1937. 379 с.

¹⁴³ Там же. С. 360–364.

побывавшей в устье Лососинки летом 1702 года и сделавшей принципиальный вывод о возможности построить здесь завод, а также последовавшей за ней экспедиции Якова Власова, которая провела детальное обследование местности. 8 сентября 1703 года последовал указ о приписке к Лодейнопольской верфи крестьян Олонецкого, Каргопольского, Белозерского и Пошехонского уездов. Эти же крестьяне должны были работать и на постройке Олонецких заводов.

Вторая глава «Петровский завод» посвящена собственно строительству завода и его деятельности. Ее основная ценность состоит в привязке отдельных заводских построек к зданиям и сооружениям, существовавшим в городе в конце XIX – начале XX века. В главе дано детальное описание заводских построек, плотин и т. п., отмечено, как происходило испытание («проба») отлитых орудий: «Чаще пушки подвергались пробе на разрыв там же, где отливались – на Петровском заводе километрах в трех от завода, “на Пробе”, местности на берегу Онежского озера, куда вела особая улица, еще недавно называемая Пробной – от бывшего Пименовского моста на юг, к лесу».

Третья глава «Петрозаводский кремль» посвящена описанию укрепленной части слободы при Петровском заводе. В главе на основании рукописи Т. В. Баландина и с привязкой к городской топографии рубежа XIX–XX веков подробно описаны границы вала и палисада, места расположения всех шести бастионов и двух въездных ворот (северных и восточных) в крепость, две церкви, находившиеся в крепости, – Петропавловская и Святодуховская и другие крепостные сооружения. Особое внимание уделено описанию путевого дворца Петра I и приездам царя на Петровские заводы. Конечно, при описании приездов царя на завод В. П. Мегорский не мог не рассказать о его встречах с юродивым Фаддеем Блаженным, заодно подробно объяснив, что представлял собой феномен юродства в Древней Руси. В подтверждение личного знакомства Петра I с Фаддеем Блаженным приведено и проанализировано письмо царя ландрату Г. Ф. Муравьеву, посвященное Фаддею. Помещены в тексте главы и предсказания Фаддея о будущем Петрозаводска¹⁴⁴.

В четвертой главе «Слобода Петровских заводов» говорится о создании и первых годах существования при заводе поселения для «рабочего люда». В. П. Мегорский писал, что работники завода селились

¹⁴⁴ Сводку современных данных о Фаддее Блаженном см.: Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В. Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 1 (154). С. 7–12.

на правом берегу Лососинки, и это поселение позднее стало называться Зарекой. На конкретных примерах автор показывает, что в первые годы существования Петровского завода его обитатели, как иностранцы, так и русские работники, существовали в очень тяжелых бытовых условиях. Строительство слободы завершилось только к зиме 1705/06 года. По свидетельству В. П. Мегорского, вплоть до конца XIX века главную улицу Зареки – Александровскую (ныне проспект Александра Невского между улицами Калинина и Ригачина) называли Слободой.

В главе затронута еще одна важная для ранней истории Петровской слободы тема – роль старообрядцев в этой истории. В связи с этим В. П. Мегорский делает экскурс в историю старообрядчества вообще и в Карелии в частности, в том числе и в историю старообрядческих самосожжений. Он подробно описал диспут о вере, происшедший в конце 1722 года на Петровских заводах между присланным в сентябре 1722 года из Синода иеромонахом Неофитом и выговскими старообрядцами. Неофит направил на Выг 106 вопросов и летом 1723 года получил на них ответы. Это было знаменитое старообрядческое сочинение «Поморские ответы». Диспут («разглагольствование») начался 4 сентября. В конце концов обе стороны составили для Синода изложение состоявшегося собеседования, скрепили его своими подписями, а также подписями «начальствующих и духовных лиц» и разошлись¹⁴⁵.

Последняя, пятая глава работы В. П. Мегорского «Судьба Петровского завода, крепости и слободы» носит крайне политизированный характер и содержит информацию не столько о Петровской эпохе, сколько о политической атмосфере конца 1930-х годов, когда Мегорский завершал свое сочинение. Заканчивается глава рассуждениями автора о роли Петрозаводска в обороне Советской Карелии и северо-запада страны в случае агрессии Германии и Финляндии. Здесь он обильно цитирует публикации советских газет, главным образом за 1937–1938 годы (последняя публикация от 21 апреля 1938 года), и делает вывод о стратегическом значении Онежского завода, Петрозаводска, Мурманской магистрали и ББК «для безопасности и охраны Петербурга – Ленинграда» в современных условиях: «Петровское положение о значении завода на реке Лососинке оставалось в силе

¹⁴⁵ Подробнее о диспуте выговских старообрядцев с иеромонахом Неофитом см.: *Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // ЛЗАК за 1918 год. Вып. 31. Пг., 1921. С. 1–66 (отд. отд.: Пг., 1921. – 66 с.); Его же. Дополнение к исследованию о поморских палеографы начала XVIII века // ЛЗАК за 1923–1925 годы. Вып. 33. Пг., 1926. С. 100–102.*

и для недавних лет, когда во внешней политике некоторых западных государств (Германия, Финляндия) открыто высказывались угрозы Советскому Союзу, и в любой момент могло последовать их выполнение с непосредственной опасностью как для Ленинграда, так и для Карелии, бывшего Олонецкого края». Эти рассуждения о росте значения Петрозаводска В. П. Мегорский подкрепляет пересказом легенд о Фаддее Блаженном и его предсказаний о будущем Петрозаводска.

К рукописи В. П. Мегорского приложен оригинальный текст «О древнейших петрозаводских кладбищах», где делается попытка определить их местоположение. Опираясь на данные петрозаводских краеведов второй половины XIX века и свидетельства старожилов, исследователь пришел к выводу, что древнейшее кладбище Петрозаводска располагалось в районе гостиного двора (сейчас это квартал между проспектом Карла Маркса, улицами Кирова и Куйбышева и сквером И. И. Сенькина). Настоящими древнейшими кладбищами Петрозаводска В. П. Мегорский считает «недавно закрытое» «Немецкое» (лютеранское и католическое) и православное (где у входа в январе 1725 года был поставлен крест) кладбища на Зареке. В конце XVIII века, после основания Александровского завода, появилось кладбище на Широкой улице (ныне улица Еремеева), закрытое в 1880-е годы. Вместо него возникло Неглинское (Екатерининское) кладбище.

Итак, сочинение В. П. Мегорского представляет собой добросовестное исследование истории Петрозаводска в Петровскую эпоху и в более позднее время на уровне научных знаний 1917 года. Хотя работа была написана в конце 1930-х годов и автор старался соответствовать эпохе, но и проблематика, и использованные источники и литература, были порождением дореволюционной исторической науки. Для современных исследователей наибольшую ценность имеют свидетельства старожилов о прошлом Петрозаводска и попытки привязки тех или иных объектов петровского времени к топографии города рубежа XIX–XX веков, а также те детали истории города, которые обычно игнорировали советские историки. И пусть мы сегодня знаем значительно больше об истории Петрозаводска в Петровскую эпоху, работа В. П. Мегорского представляет определенный интерес как своего рода итог дореволюционного изучения этой проблемы.

Вероятно, тогда же, в 1920–1930-е годы, была написана еще одна работа В. П. Мегорского – «Кончезерский завод», посвященная истории старейшего петровского завода на территории Карелии, просуществовавшего почти 200 лет (1707–1905). Эта работа, основанная частично

на личных воспоминаниях автора, также не была опубликована при его жизни.

На примере жизни и деятельности В. П. Мегорского хорошо видно, что историческое краеведение, зарождавшееся в российской провинции как любительское и дилетантское явление, перерастало в научное историческое регионоведение. Выходцы из провинциальной, иногда даже сельской интеллигенции получали хорошее университетское образование, имели возможность получить дополнительное образование, включающее навыки работы с архивными источниками, знание палеографии и т. д. в Археологическом институте, могли объединяться в исторические общества, такие как Общество ревнителей истории, Общество изучения Олонецкой губернии и т. п., имели широкие возможности для публикации своих исследований в различных столичных и провинциальных изданиях. У исторического регионоведения и исторического краеведения были очень хорошие перспективы, но революция 1917 года перечеркнула эти надежды.

Показательно, что В. П. Мегорского привлекала Петровская эпоха. Интерес к ней возник у него еще в детстве под впечатлением от Кончезерского завода и Марциальных Вод, окреп в юности, в годы жизни в Петрозаводске, где сохранилось множество петровских достопримечательностей и памятных мест и окончательно оформился в годы учебы в Варшавском университете. В начале XX века петровская тема приобрела необычайную актуальность. Она была напрямую связана с проблемами, волновавшими тогда широкую общественность: взаимоотношения самодержавной власти и общества, необходимость проведения реформ, тяжелое положение народных масс. При этом на отношение к Петру I и его деятельности накладывалось критическое восприятие самодержавной власти либеральным лагерем. Выразителем отношения русских либералов к Петру I стала монография П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого».

За 1902–1915 годы В. П. Мегорский опубликовал по петровской теме не менее 11 работ, включая семь исследовательских статей, две публикации источников и две газетные заметки. При этом самые значительные работы были созданы им в 1904–1908 годах. Исследователь продемонстрировал в эти годы быстрый научный рост, пройдя путь от публикации небольших документов к созданию самостоятельных исторических исследований и работам источниковедческого и историографического характера. С учетом методов, использовавшихся В. П. Мегорским при создании своих трудов, правильнее считать его

не краеведом, а региональным историком. При написании своих работ он использовал данные современных ему обобщающих трудов по истории России, примыкая к либеральному направлению исторической науки. Он прекрасно знал и использовал важнейшие историографические работы и основные публикации источников по истории Олонецкого края в Петровскую эпоху, хотя архивные материалы использованы им только в двух работах. Показательно, что В. П. Мегорский пришел к пониманию значения разработки краеведческой историографии, посвятив одну из работ анализу сочинения Т. В. Баландина «Петрозаводские северные вечерние беседы».

В советский период В. П. Мегорский продолжал разрабатывать тему влияния Петровских реформ на Карелию, но практически все его работы последних лет остались в рукописном виде. Однако с годами они только приобрели познавательный интерес, поскольку сейчас мы находим в них не только информацию о Петровской эпохе, но и о том, как эта эпоха воспринималась в работах крупнейшего дореволюционного исследователя этого судьбоносного периода в истории Карелии, не говоря уже о множестве уникальных деталей топографии и быта Петрозаводска, Кончезера и Марциальных Вод.

